

Бампер под пионами

Егор Тайгин

Егор Тайгин

Бампер под пионами

«Автор»

2026

Тайгин Е.

Бампер под пионами / Е. Тайгин — «Автор», 2026

После пожара в правлении старого дачного кооператива страховой эксперт Мила Орлова замечает несоответствие: председатель погиб раньше, чем огонь охватил здание. След ведёт к металлическому бордюру общей клумбы — бамперу рефрижератора, связанному с давним смертельным наездом. Пятнадцать лет улика лежала у всех на виду. Теперь местный предприниматель, от которого зависят школы, больница и половина города, готов защищать не только своё имя. Чтобы спасти второго свидетеля, Миле придётся признать собственную опасную ошибку, отделить благодарность от долга молчания, а общественную пользу — от права избежать ответа. «Бампер под пионами» — современный детектив о материальных следах, коллективной зависимости и правде, которую нельзя заменить даже самым надёжным тайником.

© Тайгин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Запах мокрой золы	6
Не пожарная смерть	13
Глава 3. Два очага	20
Глава 4. Тридцать лет рядом	28
Глава 5. Край клумбы	34
Глава 6. Общий металл	41
Глава 7. Старая выплата	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Егор Тайгин

Бампер под пионами

От автора

Привычный предмет редко кажется уликой. Мы проходим мимо него, красим на субботнике, ставим рядом ведро и перестаём спрашивать, откуда он взялся. Но открытое место ещё не означает увиденное: иногда вещь годами остаётся на виду именно потому, что каждый знает для неё удобное бытовое объяснение.

Эта история — о страховом эксперте, который читает повреждения как последовательность решений. Её работа не даёт права задерживать, судить или обещать людям нужный результат. Она позволяет только отделить одно событие от другого и вовремя передать признаки преступления тем, кто обязан проверять их процессуально.

В романе важна не только разгадка старого наезда и нового пожара. Важна цена профессиональной спешки. Свидетель — не инструмент для проверки версии, а человек, безопасность которого нельзя откладывать ради красивого заключения. И польза, которую влиятельный человек приносит городу, не становится разрешением распоряжаться чужим молчанием.

Все персонажи, организации, места и события вымышлены.

Глава 1. Запах мокрой золы

После пожара всегда пахло не огнём, а водой.

Мила Орлова остановилась у ворот кооператива и опустила стекло. От сгоревшего правления тянуло мокрой штукатуркой, распухшим деревом и пластиком, который пожарные залили раньше, чем он успел выгореть до конца. Запах лежал низко, между заборами, смешивался с землёй и прошлогодней травой.

На часах было семь сорок две. В уведомлении страховой случай значился как «возгорание административного здания, предположительно короткое замыкание». Ущерб заявили ночью, причину успели предположить к рассвету.

Мила сфотографировала общий вид ворот, не выходя из машины. На снимке помещались вывеска «Рябина», пожарная цистерна, белая лента у правления и человек в дорогой стёганой куртке, который разговаривал сразу с тремя дачниками. Он стоял к ней спиной, но Милу предупредили, что Олег Сазонов будет здесь.

Его пищевой комбинат страховал у их компании склады, четыре фургона и ответственность по поставкам. Сам кооператив был отдельным клиентом, маленьким и неудобным: старое деревянное здание, общая скважина, насосная, сторожка, оборудование, купленное в разные годы без единого реестра.

На пассажирском сиденье лежал планшет с заданием. Руководитель группы написал в комментарии: «Осмотр без задержки. Предварительно проверить грубую неосторожность страхователя». Ни слова о погибшем.

Мила надела бахилы поверх ботинок, взяла каску, фонарь и складную масштабную линейку. У ленты её встретил молодой сотрудник полиции.

— Страховая?

— Орлова Мила Сергеевна. Вот направление. Кто руководит осмотром?

Он проверил документ и кивнул на мужчину у крыльца.

— Следователь Гушин. Пока ждите снаружи. Внутри работают специалисты.

— Мне нужно согласовать границы осмотра и получить отметку, где уже перемещали предметы.

— С ним согласуете.

Мила не стала объяснять, почему отметка нужна до того, как кто-нибудь ещё пройдёт по мокрому полу. За двенадцать лет выездов она научилась отличать запрет от желания сократить разговор. Сейчас это был запрет: лента, сотрудник, уголовный осмотр. Она осталась снаружи.

Правление «Рябины» строили как летний домик: веранда, две комнаты и пристройка с отдельным входом. Огонь выбил окна со стороны дороги и провалил крышу над большим залом. Левая часть почернела до фундамента, правая сохранила зелёную краску под карнизом. Запасная дверь была открыта. Возле неё лежал перевернутый пластиковый стул.

Мила сделала кадр с номерной табличкой, затем общий план с четырёх углов. На дорожке блестели лужи. Пожарные рукава протянули через клумбу у ворот, примяли всходы и зацепились за металлический край.

Клумба выглядела старше всего вокруг. Краска на бордюре отслаивалась зелёными чешуйками, под ними проступал синий слой, а ниже — серый металл. На дуге возле столба была широкая вмятина. Мила задержала взгляд, но не подошла. Сегодня она осматривала здание, а не старое дачное благоустройство.

— Мила Сергеевна?

Сазонов оказался выше, чем на фотографии в клиентской карточке. Лицо усталое, глаза красные, куртка чистая. Он протянул руку и тут же убрал, увидев её перчатки.

— Олег Петрович. Мы встречались на осмотре холодильного склада два года назад.

— Конечно. Вы тогда нашли трещину в панели, которую мои считали царапиной.

— Трещина и была.

— Поэтому и запомнил. Здесь всё хуже.

Он посмотрел на крышу. Дачники рядом замолчали, будто его оценка имела силу распоряжения.

— Вы представляете кооператив? — спросила Мила.

— Нет, просто помогаю. Геннадий Иванович был председателем. Теперь даже ключи неизвестно у кого.

— Страхователь назначит представителя письменно. До этого сведения могу принимать, но согласовывать ущерб не с вами.

— Да мне деньги не нужны. Людям нужны. В правлении хранились насосные акты, договоры, касса. Я уже сказал: дам помещение на комбинате, пока не восстановят.

— Кто заявил пожар страховщику?

— Казначей. Лидия Семёновна, вон она.

Пожилая женщина в мужской куртке стояла возле пожарной машины и прижимала к груди полиэтиленовую папку.

— А вы когда узнали? — спросила Мила.

— Сторож позвонил в четыре двенадцать. Я приехал около пяти.

— Во сколько начался пожар?

— Пожарные скажут. Сторож увидел свет в окне, потом дым.

— Какой свет?

Сазонов пожал плечами.

— Зарево, наверное.

— Вы сказали «свет».

— Так он сказал. Мила Сергеевна, там человек погиб. Я не записывал формулировки.

Он произнёс это без резкости, даже с укором к себе. Дачники рядом снова задвигались. Один принёс Сазонову бумажный стакан, другой спросил, когда будет хлеб для больницы: комбинат не получил разрешение на утренний выезд из-за проверки машин.

— Через сорок минут отправим, — ответил Сазонов. — Я уже договорился с ГАИ.

Он сказал это так же спокойно, как предлагал помещение правлению. Не обещал невозможного; сообщал, что механизм уже запущен.

К Миле подошёл следователь.

— Лев Андреевич Гушин. Вы эксперт страховой компании?

— Специалист по осмотру и оценке обстоятельств. Судебным экспертом по вашему делу не являюсь.

— Хорошее начало. Обычно приходится объяснять наоборот.

Он просмотрел направление.

— Внутрь пуцу после окончания нашей фиксации. Ничего не перемещать, образцы самостоятельно не брать. Фото — после согласования участков. Тело увезут минут через двадцать.

— Где его обнаружили?

Гушин показал на запасную дверь.

— В метре от выхода, головой к порогу. Предварительно — председатель Круглов Геннадий Иванович.

— Предварительно?

— Документы и ключи при нём, дочь опознала внешне. Официально после процедуры.

— Кто перемещал?

— Пожарные оттащили от двери. На схеме будет первоначальное положение. Один пытался реанимировать.

— Значит, одежду могли расстегнуть, тело перевернуть, следы у двери нарушены.

— Именно. Поэтому вы не будете делать вывод по одному следу.

— Я никогда не делаю.

Гущин посмотрел на неё внимательнее, будто проверял не ответ, а скорость.

— Причина пожара пока не установлена. Версию короткого замыкания кто сообщил вашей компании?

Мила открыла карточку события.

— Лидия Карасёва, казначей. В четыре пятьдесят восемь. Формулировка: «Наверное, старая проводка».

— Пожарный дознаватель этого не говорил.

— В уведомлении версия заявителя, не заключение.

— Проследите, чтобы так и осталось.

Сазонов стоял достаточно близко, чтобы слышать. Он не вмешался. Только допил кофе и смял стакан.

— Лев Андреевич, — сказала Мила, — мне нужны данные о действиях при тушении: направления подачи воды, вскрытые проёмы, отключение электричества, перемещение мебели. И возможность отдельно поговорить со сторожем до общего собрания.

— Получите после первичного опроса. А зачем отдельно?

— Потому что через час все будут помнить одинаковый пожар.

— Уже помнят, — сказал Гущин.

У пожарной машины спорили четверо. Один утверждал, что первым загорелось окно архива. Другой видел пламя на веранде. Лидия Семёновна повторяла, что проводку просили заменить ещё осенью. Каждое воспоминание начиналось со слов «всем известно».

Из запасной двери вышли двое в защитных комбинезонах. За ними вынесли носилки в закрытом мешке. Разговоры оборвались. Сазонов снял шапку. Остальные повторили за ним.

Мила не фотографировала носилки. Она смотрела на дверь.

Над проёмом сохранился треугольник зелёной краски. Ниже стена была закопчена, но сама дверь с внутренней стороны, насколько видно, обгорела слабее. Если Круглов шёл к выходу через заполненное дымом помещение, его одежда должна была собрать следы не только там, где он упал. Однако на белой простыне, которой пожарные накрывали тело до приезда группы, остался узкий чёрный отпечаток на уровне плеч и почти чистая полоса ниже.

Это ничего не доказывало. Простыню могли подложить неровно. Куртку могли снять. Вода могла смыть сажу. Мила внесла наблюдение в черновик без вывода: «Уточнить состояние одежды, положение тела, контакт с поверхностями и действия пожарных».

Лидия Карасёва подошла сама.

— Вы выплатой занимаетесь?

— Сначала обстоятельствами и составом ущерба.

— Олег Петрович сказал, вы честная.

— Он видел один мой осмотр.

— У нас всё сгорело. Протоколы, членские книжки, договор на скважину. Компьютер новый. Проектор мы прошлым летом купили.

Она протянула папку. Внутри были копия полиса, опись имущества и квитанции.

— Оригиналы где хранились?

— Часть дома у меня. Геннадий Иванович говорил, нельзя всё держать в одном месте. Вот список. Компьютер застрахован на восемьдесят тысяч, проектор на сорок пять, мебель...

Мила не взяла папку в перчатках.

— Положите на капот моей машины, пожалуйста. Я зарегистрирую передачу. Кто последним был в здании?

— Геннадий Иванович. Он вчера допоздна разбирал бумаги перед собранием.

— Каким собранием?

— По новой ограде. Хотели ворота менять, клумбу переносить, видеокамеру ставить.

Половина против взноса.

— Во сколько вы ушли?

— В семь. Он оставался.

— Был один?

Лидия Семёновна посмотрела на Сазонова.

— Олег Петрович обещал зайти. Они спорили из-за подъездной дороги, но это обычное.

— Олег Петрович пришёл?

— Не знаю. Я ушла.

Сазонов ответил со своего места:

— Не пришёл. Позвонили с комбината, пришлось ехать на склад. Я Геннадию написал.

— Сообщение сохранилось? — спросил Гуцин.

— Конечно.

Следователь записал это, не протягивая руку за телефоном.

— Геннадий Иванович зачем-то искал Аркадия, — добавила Карасёва.

— Какого Аркадия?

— Лыткина. Он раньше машины ремонтировал, теперь почти не выходит. Геннадий дважды спрашивал его номер, хотя номер у него был.

— Когда?

— Вчера днём.

— Причину называл?

— Сказал, по старому железу.

Сазонов повернулся к ней.

— Лида, у Геннадия половина сарая в старом железе. Не придумывай связь.

— Я не придумываю. Так сказал.

Гуцин попросил обоих не обсуждать показания между собой. Карасёва отошла к машине Милы и аккуратно положила папку на капот.

К восьми тридцати следственная группа разрешила страховому осмотру войти в здание по обозначенному маршруту. Мила сменила бахилы и начала с веранды.

Пол был залит водой и покрыт фрагментами потолка. На стене висела оплавленная доска объявлений. Край одного листа уцелел: расписание вывоза мусора. Под ним чёрной дугой прошла граница копоти.

— Электричество отключили на вводе в четыре двадцать восемь, — сказал пожарный дознаватель. — До этого автомат внутри уже сработал. Проводку будем исследовать.

— Где предполагаемый первичный участок?

— Пока два участка с более сильными повреждениями. Шкаф в большом зале и подсобка. Не называйте их очагами до заключения.

— Не назову.

Мила поставила в кадр линейку, сняла направление обугливания у дверного косяка и прошла в большой зал. Столы сдвинули пожарные. Металлические ножки торчали из чёрной массы, похожей на торф. На дальней стене стоял шкаф: нижние дверцы исчезли, верхняя полка обвалилась. Здесь хранились протоколы.

Под потолком копоть расходилась широким веером. Возле шкафа плинтус выгорел, но розетка справа сохранила форму. Из неё вынули провод и упаковали отдельно.

— Компьютер был где? — спросила Мила.

— На столе у окна, — ответил дознаватель. — Системный блок нашли под обломками.

— Проектор?

— В подсобке, по словам казначея.

В запасной проход они вошли последними. На полу белым маркером обозначили первоначальное положение тела. Контур начинался не у самого порога, а ближе к стене. Между ним и большим залом тянулась полоса мокрой сажи, по которой прошли пожарные.

Мила присела, не касаясь пола. На нижней части стены была горизонтальная чистая зона шириной с плечо. Выше — плотный чёрный налёт. Если человек долго лежал здесь во время задымления, тело могло закрыть стену. Но Круглова нашли на полу, не у стены.

— Здесь что-то стояло? — спросила она.

Дознаватель сверился с фотографиями.

— Складной стол. Пожарные вынесли, чтобы освободить проход. Он лежит снаружи.

— Значит, чистая зона от столешницы.

— Вероятно.

Мила вычеркнула первую догадку. Правильный осмотр отличался от красивой версии количеством зачёркнутого.

Она попросила показать первичные фотографии. На экране служебной камеры Круглов лежал на правом боку. На нём была светлая куртка. Спина почти чистая, левое плечо покрыто густой копотью. Правый рукав мокрый, но не закопчён. Лицо находилось у пола.

— Куртку расстёгивали при реанимации? — спросила Мила.

— Да. До этого была застёгнута.

— Переворачивали со спины на бок?

— Пожарный говорит, нашли на спине, оттащили и повернули для проверки дыхания.

— Тогда левое плечо могло контактировать с полом после перемещения. А спина почему чистая?

Дознаватель увеличил кадр.

— Хороший вопрос.

Гущин стоял в дверях.

— Медик предварительно не видит обычной картины для человека, который долго дышал в дыму, — сказал он. — Это не заключение. Вам — только для определения границ собственной версии.

— Причину смерти я в заключение не включу. Но страховая последовательность зависит от того, был ли страхователь способен действовать во время пожара.

— Пишите: требует проверки.

Мила снова посмотрела на снимок. Копоть на плече могла появиться от пола. Чистая спина могла быть защищена чем-то до переноса. Но на месте первоначального обнаружения не было предмета, способного закрыть всю куртку. Если Круглов шёл через зал к двери, чистой она остаться не могла. Если его принесли к двери позже, следовало искать путь переноса. Если он умер до сильного задымления, кто-то мог попытаться придать телу положение человека, не дошедшего до выхода.

Три версии. Ни одна пока не стала фактом.

В подсобке сохранилась металлическая полка. На нижнем ярусе лежал оплавленный корпус проектора. Рядом — пустое место прямоугольной формы, защищённое от копоти предметом, который убрали до тушения или после него.

— Что здесь стояло? — спросила Мила.

Карасёву позвали к порогу. Она посмотрела издалека.

— Синяя коробка с актами. Страховка на скважину, старые машины, насосы, всё, что списали.

— Почему старые машины кооператива?

— Не кооператива. Олег Петрович раньше через нас ставил технику на зиму. Геннадий хранил копии, потому что подписывал осмотры как член ревизионной комиссии.

Сазонов, оставшийся за лентой, поднял голову.

— Там не было ничего важного, — сказал он. — Сроки хранения давно вышли.

— Вы знали содержимое коробки? — спросил Гуцин.

— Я сам половину актов отдавал. Старый хлам.

Мила зафиксировала чистый прямоугольник на полке. Коробка исчезла, но место, которое она занимала, огонь оставил открытым вопросом.

Когда осмотр закончился, дождь стал сильнее. Вода стекала с каски за воротник. Мила вернулась к клумбе, потому что шланги уже убрали и можно было снять общий вид фасада.

Металлический бордюр мешал поставить штатив. Она наклонилась, чтобы не наступить на пионовые ростки, и увидела на нижнем крае ряд отверстий. Не садовая полоса, не часть забора. Штампованная автомобильная деталь, выгнутая по широкой дуге. Зелёная краска была нанесена кистью. Под ней оставался синий заводской слой.

Вмятина возле столба имела резкий центральный залом и две расходящиеся складки. Так металл складывался не от лопаты и не от колеса садовой тачки. На самом краю сохранился обрезанный кронштейн.

— Не трогайте, — сказал Гуцин за её спиной.

— Я и не трогаю.

— Это тоже страховый объект?

— Пока — помеха в кадре.

Мила сделала снимок фасада. Потом второй — с масштабной линейкой рядом с вмятиной, не касаясь металла.

— Почему фотографируете помеху?

Она увеличила изображение. Под облупившейся зелёной краской проступали две синие полосы и белый фрагмент буквы. Не декоративный рисунок. Остаток старой фирменной окраски.

— Потому что иногда повреждение объясняет, чем предмет был до того, как ему придумали новую работу.

Гуцин присел рядом.

— Бампер?

— Похоже на заднюю силовую накладку или её часть. Нужно смотреть конструкцию и маркировку снизу. Самостоятельно переворачивать не буду.

— Давно здесь?

Стоявшая неподалёку дачница услышала вопрос.

— Да лет пятнадцать, — ответила она. — Ещё пионы жена Аркадия сажала. Каждый май красим. В этом году не успели.

— Какого Аркадия? — спросил Гуцин.

— Лыткина. Которого Геннадий вчера искал.

Мила посмотрела на обгоревшее правление, затем на чистый прямоугольник, который уже нельзя было увидеть сквозь стену. Между пропавшей коробкой и старым железом пока не существовало связи. Только фамилия человека, которого председатель хотел найти перед смертью.

Она внесла деталь в акт как посторонний объект рядом с местом страхового события и поставила отметку: «Происхождение не установлено. Не перемещать до решения следователя».

У ворот Сазонов раздавал поручения водителям. Один фургон уходил к больнице, второй — к школьной столовой. Люди звонили ему по очереди, и он каждому отвечал, где взять хлеб, молоко или свободную машину.

На борту ближайшего рефрижератора шли две синие полосы по белому металлу.

Мила не стала фотографировать его тайком. Записала номер, видимый с общей дороги, и время выезда.

В восемь пятьдесят девять планшет прислал напоминание: «Предварительный вывод до 12:00».

Она открыла форму и вместо предложенного пункта «грубая неосторожность страхователя» выбрала «обстоятельства требуют дополнительной проверки».

Причина пожара не была установлена. Причина смерти — тоже. Но одно Мила уже могла сказать уверенно: чистая куртка Круглова не рассказывала историю человека, который сам прошёл через горящее правление к запасной двери.

Кто-то выбрал для него это место после того, как он перестал выбирать сам.

Не пожарная смерть

К полудню мокрая куртка Милы висела на спинке стула в сторожке, а сама она смотрела на четыре фотографии одного и того же человека.

На первой Геннадий Круглов лежал у запасной двери до того, как пожарные расчистили проход. На второй его оттащили к стене. На третьей расстегнули куртку. На четвёртой рядом стоял раскрытый медицинский чемодан. Если поменять кадры местами, получалась убедительная и совершенно ложная история: будто председателя нашли у стены, пытались вывести и только потом уложили у порога.

Мила записала время каждого снимка на отдельном листе.

Сторожка была тесной, нагретой старым масляным радиатором. За перегородкой сторож Фёдор Носков давал показания Гущину. Слова долетали обрывками: хлопок, свет в окне, собака залаяла. На столе перед Милой лежала копия журнала выездов пожарного расчёта и схема, которую командир отделения нарисовал по её просьбе. Красные стрелки показывали, кто вошёл через веранду, синие — куда подавали воду. Человеческие действия перечёркивали следы огня гуще любого дождя.

Телефон коротко завибрировал.

— Орлова, — сказала Мила.

— У тебя одиннадцать минут до совещания, — ответила Дарья Климова. — Начальник отдела уже поставил в проекте отказ. Основание: предполагаемый умышленный поджог страхователем либо его представителем.

— Председатель мёртв. Кто у них теперь представитель, ещё не определено. И поджог пока не установлен.

— Я это написала. Мне вернули комментарий: «Не усложнять очевидное».

— Что с описью имущества?

— По полису страхователь — кооператив, выгодоприобретателя нет. Компьютер и проектор подтверждены накладными. Архив как бумага почти ничего не стоит. Если умышленное действие совершил посторонний, автоматического основания отказать пайщикам нет.

— Сохрани версию документа с комментариями.

— Уже. Тебе прислали предварительную справку медика?

— Следователь обещал дать сведения в допустимом объёме.

— Значит, не прислали. На совещании тебя спросят, отчего умер Круглов.

— Я отвечу, что это не мой вопрос.

— Тогда спросят громче.

Мила посмотрела на часы.

— Найди условия старого договора хранения техники Сазонова в «Рябине». Без доступа к закрытым материалам и без запросов от моего имени. Только наш архив.

— Уже ищу. Там миграция базы была девять лет назад, карточки могут быть без приложений.

— Нужны даты, номера машин и осмотры повреждений.

— Ты связываешь пожар с бордюром?

— Пока я связываю пропавшую коробку с тем, что в ней лежали копии страховых актов. Бордюр существует отдельно.

— Поняла. Две стопки, не одна красивая версия.

Это была формулировка, которой Мила учила её месяц назад. Теперь Дарья вернула её как долг.

После звонка в сторожку вошёл Гущин. Снял влажную куртку, но садиться не стал.

— Носков закончил. С ним потом поговорите, если не будете задавать вопросы о смерти.

— Мне важны обнаружение огня и доступ в здание.

— Тогда можно. А сейчас поедете со мной.

— Куда?

— В районное бюро. Медик готов объяснить, что из предварительных наблюдений вы можете учитывать, не превращая их в причину смерти.

— Вы обычно возите страховых экспертов к медику?

— Обычно страховые эксперты не замечают чистую спину раньше, чем получают протокол.

Он произнёс это без похвалы. Скорее как причину не тратить время на спор у телефона.

Перед выходом Мила остановилась у Лидии Карасёвой. Казначей сидела на лавке под навесом и держала папку с документами на коленях.

— Лидия Семёновна, ключи от правления у кого были?

— У Геннадия, у меня и у Феди. Запасной комплект в сейфе Олега Петровича.

— Почему у Сазонова?

— Раньше его комбинат зимой чистил нам дорогу. Если авария со скважиной или электричеством, рабочие заходили без нас. Потом замки сменили, но ключ ему оставили.

— Когда сменили?

— Года три назад.

— Вы проверяли, подходит ли его ключ сейчас?

Карасёва нахмурилась.

— Зачем проверять? Один замок.

— Это разные ответы.

— Нет, не проверяла.

Мила не стала просить ключ. Это уже было делом Гущина, и он слышал разговор.

Сазонов стоял у своего внедорожника. Люди подходили к нему с накладными, телефонами, вопросами о доставке. Он заметил Милу и сделал два шага навстречу.

— Получается работать в таком бедламе?

— Пожар редко оставляет удобный кабинет.

— Я могу дать комнату на комбинате. С интернетом, принтером. Никто мешать не будет.

— Материалы осмотра не должны находиться у заинтересованного лица.

— Я заинтересован, чтобы посёлок не остался без правления.

— И ваши старые акты были в пропавшей коробке.

Сазонов не отвёл взгляда.

— Потому и предложил помощь. Чем быстрее найдёте хулигана, тем меньше будут сочинять про мои бумаги.

— Откуда вы знаете, что коробка пропала, а не сгорела?

Он чуть повернул голову к Карасёвой.

— Лида сказала при всех.

Казначей поднялась с лавки.

— Я сказала, что место пустое. Про пропажу Геннадий Иванович ещё зимой говорил. Он коробку домой собирался унести.

— Когда именно он говорил? — спросил Гущин.

— В феврале. После того как крыша потекла.

— Унёс?

— Не знаю. Вчера коробка была там. Я видела, когда проектор брала.

Сазонов улыбнулся без радости.

— Вот видите. Каждый знает кусок и уже делает вывод.

— Поэтому куски записывают отдельно, — сказала Мила.

В машине Гуцин включил обогрев лобового стекла. Дворники размазывали по стеклу серую воду.

— Вы нарочно спросили его при Карасёвой? — спросил он.

— Я спросила там, где он сам начал разговор.

— Удобное различие.

— Важное. Мне нужно установить, относились ли пропавшие документы к заявленному событию. Проверять алиби и ключи будете вы.

— А если я скажу, что пока уголовного дела об убийстве нет?

— Я скажу, что пока нет основания считать страхователя виновником пожара.

Гуцин усмехнулся.

— Каждому своё «пока».

Районное бюро занимало первый этаж бывшей санитарной станции. В коридоре пахло хлорным раствором и перегретой проводкой. Врач, представившийся Антоном Черепановым, встретил их в кабинете с закрытыми жалюзи. На столе не было ни фотографий, ни документов — только блокнот и стакан холодного чая.

— Сразу границы, — сказал он. — Исследование не завершено. Лабораторных результатов нет. Причину и время смерти я вам не называю. Могу разъяснить наблюдения, относящиеся к вашей последовательности событий, если следователь считает это допустимым.

Гуцин кивнул.

Мила положила перед собой чистый лист.

— Мне нужно понять, мог ли Круглов самостоятельно двигаться в период развитого горения и находился ли он в задымлённом помещении достаточно долго, чтобы это отразилось на одежде и доступных внешних признаках.

— Первый вопрос в такой форме выходит за пределы предварительного осмотра. По второму: внешние признаки не поддерживают версию длительного активного пребывания живого человека в плотном дыму. Это не означает, что дыма он вовсе не вдыхал. И не означает само по себе, что его перемещали.

— Что именно не поддерживает?

Черепанов посмотрел на Гуцина.

— Без деталей, которые могут повлиять на показания. Скажем так: ожидаемая совокупность признаков неполна. Есть повреждение головы, обнаруженное после очистки кожи. Оно могло возникнуть до пожара и требует отдельной оценки. Есть особенности распределения копоти на одежде. В дыхательных путях видимого загрязнения меньше, чем ожидалось бы при длительном нахождении в дыму, но окончательно это оценивают не глазами и не сейчас.

Мила записала каждую оговорку.

— Сердечный приступ исключён?

— Ничего не исключено до завершения исследования.

— Отравление продуктами горения?

— Тоже.

— Механическая травма?

— Обнаружена травма. Её роль не установлена.

— Можно ли зафиксировать для страхового дела: «смерть от воздействия опасных факторов пожара не подтверждена и требует специального исследования»?

— Можно, если рядом будет написано, что это не заключение о причине смерти.

— Будет.

Черепанов отодвинул блокнот.

— Почему вас интересует куртка?

Мила открыла на планшете копию кадра, разрешённую Гуциным для совместной сверки.

— Плечо загрязнено после перемещения или при контакте с полом. Спина заметно чище. Если человек шёл из большого зала, где уже оседала копоть, к запасной двери, распределение выглядит странно. Но пожарные расстегнули куртку, оттащили тело и повернули его. Я не могу отделить первоначальные следы от поздних только по этому кадру.

— И не пытайтесь, — сказал Черепанов. — Одежда изъята. Её осмотрят по участкам. На подкладке есть влажная зона, происхождение которой тоже пока непонятно.

— Вода при тушении?

— Возможно.

— Биологическая жидкость?

— Я сказал: непонятно.

Гущин постучал ручкой по столу, останавливая следующий вопрос.

— Для вашего отчёта достаточно?

— Для отказа от вывода о смерти при пожаре — да. Для последовательности — нет.

— Последовательность получите после экспертиз.

— Страховая требует предварительный вывод сегодня.

— Требование страховой не ускоряет лабораторию.

— Поэтому предварительным выводом будет отсутствие достаточных данных.

Черепанов впервые улыбнулся.

— Редкая формулировка. Обычно отсутствие данных почему-то превращается в уверенность.

В коридоре Гущину позвонили. Он отошёл к окну и несколько минут отвечал односложно. Мила тем временем отправила Дарье сообщение: «Смерть от факторов пожара не подтверждена; причина устанавливается. Не писать “убит” и “умер до пожара”. Сохраняем развилки».

Ответ пришёл сразу: «Начальник уже вошёл в конференцию».

Мила подключилась с лестничной площадки. На экране появились три прямоугольника: руководитель отдела выплат Артемьев, юрист и Дарья. Артемьев даже не поздоровался.

— Орлова, у нас умышленный пожар, погибший председатель и пропавшие документы. Почему карточка до сих пор жёлтая?

— Потому что умышленный пожар не установлен, причина смерти не установлена, а пропажа документов требует проверки.

— Два участка горения — это что?

— Участки с более сильными повреждениями. Термин «очаг» дознаватель пока не применяет.

— Не уходите в слова.

— Выплата или отказ будут оформлены словами. Лучше сразу выбрать точные.

Юрист опустил глаза. Дарья выключила микрофон, но Мила увидела, как она спрятала улыбку.

Артемьев приблизился к камере.

— Председатель был в здании один. Если поджог сам, это действие руководителя страхователя. Если поджог посторонний, почему тот не взял ценности, а полез в старую макулатуру? В обоих случаях риск сомнительный. Ставьте резерв в ноль до выяснения.

— Председатель не тождествен кооперативу. Его умысел не доказан. Посторонний мог преследовать цель, не связанную с хищением. Имущество пайщиков повреждено независимо от стоимости архива.

— Вы сейчас защищаете клиента?

— Я отделяю объект страхования от предполагаемого виновника.

— В полдень нужен управленческий ответ.

— Управленческий ответ: сохранить резерв и продолжить проверку. Технический ответ: последовательность пожара не установлена. Медицинский: причина смерти устанавливается уполномоченным специалистом. Я не подпишу другую формулировку.

Несколько секунд слышалось только шипение связи.

— До завтра, — сказал Артемьев. — Потом мне нужен результат, а не список неизвестных.

Экран погас.

— Он всегда так? — спросил Гуцин, стоявший на пролёт ниже.

— Когда уверен, что скорость можно выдать за ясность.

— А вы всегда спорите с начальством на лестнице морга?

— Здесь связь лучше.

Они вернулись в «Рябину» после двух. Дождь закончился, и над мокрыми крышами поднялся пар. У правления работали специалисты. Большой зал просматривался через выбитое окно, как макет после чужой игры.

Фёдор Носков ждал Милу в сторожке. Ему было около шестидесяти, но сутулая спина и воспалённые глаза добавляли ещё десять лет. На стол он положил журнал дежурств, раскрытый на сегодняшней дате.

— Лев Андреевич сказал, вам только про огонь.

— И про то, что вы делали до приезда пожарных. Начните с момента, когда всё было обычно.

— В три сорок обошёл ворота. Свет в правлении горел в большом зале. Геннадий иногда ночами сидел с бумагами.

— Вы видели его?

— Нет. Только свет.

— Машины рядом были?

— Сазоновская у дороги стояла. Белая, служебная. Они все одинаковые.

— Рефрижератор?

— Нет, маленький фургон. Может, не его. Полосы синие, знак комбината.

— Номер запомнили?

— Не смотрел.

— Когда увидели огонь?

— Около четырёх десяти собака залаяла. Я вышел, в подсобном окне свет плясал. Не как лампа. Позвонил пожарным, побежал с огнетушителем.

— Через какую дверь вошли?

— Через веранду. Она была не заперта.

— Что увидели?

Носков закрыл глаза.

— В зале дым сверху. У шкафа горело. Я дал струю, но толку мало. Потом хлопнуло в подсобке, и оттуда тоже пошло. Я крикнул Геннадию. Никто не ответил.

— К запасной двери подходили?

— Не смог. Дым прижал. Вышел, обежал снаружи. Запасная дверь была закрыта.

— На ключ?

— Не знаю. Дёрнул — не открылась.

— Пожарные как вошли?

— Один через веранду, второй ломом запасную открыл. Тогда Геннадия и увидели.

Мила сверилась со схемой. На ней запасная дверь была обозначена как открытая к моменту подачи второго ствола. Значит, путь мнимого спасения заканчивался запертой дверью. Если Круглов сам шёл к выходу, ему требовался ключ либо возможность открыть

задвижку изнутри. Если его положили у порога, закрытая дверь делала картину ещё убедительнее только для того, кто не знал, что её пришлось взламывать.

— Где хранился внутренний ключ? — спросила она.

— Обычно торчал в замке.

— Сегодня?

— Не видел.

— Пожарные нашли?

— Спросите у них.

Мила отметила вопрос для Гущина.

— Вы сказали, сначала горело у шкафа, потом хлопнуло в подсобке. Сколько прошло времени?

— Минута. Может, две. Там время другое было.

— Пламя между участками видели?

— Нет. Дым видел. Под потолком всё уже чёрное.

— Запах?

Носков потёр ладонями лицо.

— Горелой пластмассой. И будто краской. Но у нас там канистра для генератора стояла, может, она.

— Где именно стояла?

— В подсобке у наружной стены.

— Канистру нашли?

— Не знаю.

Она не стала уточнять состав и расположение. Такие детали должен фиксировать пожарный специалист, а не страховой эксперт по воспоминанию уставшего сторожа.

— После обхода в три сорок вы всё время были в сторожке?

— Чайник ставил. Потом задремал, наверное. Собака разбудила.

— Кто мог пройти мимо вас?

— Через ворота никто. Но ограда сзади низкая. Дачники там калитки сами прорезали.

— Ключи от правления у вас были при себе?

Носков похлопал по карману.

— Вот.

Он достал связку. На кольце висели три ключа и деревянная бирка. Мила не прикоснулась.

— Покажите Льву Андреевичу. И никому не отдавайте без оформления.

— Думаете, мой взяли?

— Я думаю, ключи нужно учитывать так же, как фотографии: кто, когда и что с ними делал.

На улице Дарья снова позвонила.

— Нашла карточку хранения, — сказала она без вступления. — Договор между комбинатом Сазонова и кооперативом действовал шестнадцать лет назад. На площадке зимовали три машины. Один рефрижератор после страхового события проходил дополнительный осмотр.

— Какого события?

— Заявленный угон с последующим возвратом. Машина исчезла на ночь и нашлась на старой объездной.

Мила остановилась под обгоревшим окном.

— Дата?

Дарья назвала число.

Пятнадцать лет назад, в ночь, когда на объездной погибла Ирина Нечаева.

— Не присылай догадки, — сказала Мила. — Только карточку, основание доступа и перечень сохранившихся приложений.

— В карточке есть отметка: при возврате заменена задняя защитная деталь. Акт осмотра был бумажный. Скан отсутствует.

За стеной специалист назвал номер упакованного образца. В мокрой траве у крыльца лежали обломки шкафа. Синей коробки среди них не было.

— Кто проводил осмотр? — спросила Мила.

— В карточке фамилия сокращена: «Круглов Г. И.», представитель площадки хранения.

Круг замкнулся слишком легко, и потому Мила ему не доверяла. Пропавшая коробка могла содержать тот самый акт. Бампер мог происходить от той машины. Смерть Круглова могла быть связана с обоими предметами. Но три «могла» не складывались в одно «было».

Гущин вышел из правления, снимая перчатки.

— Внутреннего ключа в замке нет, — сказал он. — На связке Круглова тоже. Замок отправим на исследование.

— Сторож утверждает, запасную дверь пришлось вскрывать. Он видел два отдельных участка горения с коротким промежутком. И мой архив нашёл карточку старого осмотра.

— По бамперу?

— По возвращённому после угона рефрижератору. После возврата у него заменили заднюю деталь. Осмотр подписывал Круглов.

Гущин протянул руку не за планшетом, а ладонью вверх — остановил.

— Сейчас ничего не пересылайте мне обычной почтой. Подготовьте официальный ответ на запрос, когда получите номер. С сохранением источника и истории доступа.

— Понимаю.

— И не рассказывайте Сазонову, что нашли.

— Я не рассказываю фигурантам рабочие версии.

— Пока он свидетель и заинтересованное лицо.

— Поэтому и не рассказываю.

Мила посмотрела через двор на клумбу. После дождя зелёная краска на металле стала ярче, синие полосы под ней — темнее. Вокруг старой детали уже поставили низкое ограждение. Дачники проходили мимо и недовольно обходили ленту, словно следствие перекрыло не возможную улику, а привычную короткую дорогу.

В предварительном акте Мила написала три вывода.

Причина смерти Геннадия Круглова устанавливается уполномоченными специалистами; данных для отнесения смерти к воздействию пожара недостаточно.

Положение тела у запасной двери не подтверждает попытку самостоятельного выхода: дверь до прибытия пожарных была закрыта и вскрыта снаружи, внутренний ключ на месте не обнаружен.

Наиболее сильные повреждения выявлены в двух разнесённых участках — у архивного шкафа и в подсобке; единый электрический источник пока не установлен.

Она перечитала текст и убрала слово «убийство» из заметки на полях. Для него не было заключения. Потом убрала слово «поджог». Для него тоже пока не было заключения.

Осталась последовательность: человек, который, вероятно, уже не мог выбирать; закрытая дверь, к которой его поместили; огонь, начавшийся там, где хранили бумаги; и второй повреждённый участок в подсобке.

Не пожарная смерть ещё не означала насильственную. Два участка ещё не означали два очага. Пропавший акт ещё не означал, что его уничтожил владелец машины.

Но версия о старой проводке больше не объясняла даже того, что было видно без лаборатории.

Глава 3. Два очага

Утром правление пахло уже не пожаром, а мокрым ремонтом.

За ночь вода стекла с перекрытия в большой зал, смешалась с золой и собралась у порога серой лужей. По ней тянулись следы бахил. На стене возле счётчика остался светлый прямоугольник: специалист снял пластиковый короб вместе с проводкой и упаковал его для исследования.

Мила остановилась за лентой и показала удостоверение дежурному. Войти ей разрешили только после того, как дознаватель пожарной службы Сергей Бекетов закончил фотографировать подсобку.

— Вы вчера написали «два разнесённых участка», — сказал он вместо приветствия. — Осторожно.

— Это наблюдение, не причина.

— Ваш начальник уже звонил в управление и спрашивал про два очага.

— Мой начальник любит существенные, которые экономят ему страницу оговорок.

Бекетов был моложе, чем показался ей ночью. Под глазами лежали тёмные полукружья, на левом рукаве белел след штукатурки. Он протянул ей одноразовые бахилы.

— Тогда договоримся о словах. Очаг — вывод после сопоставления. Пока у нас две зоны выраженного термического повреждения. Между ними могло пройти пламя по скрытой полости, мог переноситься горящий материал, могло быть что угодно из того, что проверяется, а не угадывается.

— Меня устраивает.

— Станный страховой эксперт.

— Я дорого стою именно потому, что не называю догадку фактом.

Они вошли в зал по размеченной дорожке. Шкаф, возле которого Носков увидел огонь, лежал на боку. Полки обрушились внутрь, металлические направляющие ящиков выгнулись. Справа уцелел нижний угол стены с розеткой. Пластик оплавился, но медные жилы не были видны.

Бекетов присел, не касаясь стены.

— Кабель идёт сверху. Повреждения здесь сильнее, но сам по себе этот вид ничего не решает. Короткое замыкание может быть причиной, а может возникнуть уже в огне.

— Автомат защиты?

— Изъят. Положение рычагов зафиксировано, контакты посмотрят. Только не пишите, что сработавший автомат доказывает аварию проводки.

— Не напишу.

Мила открыла план помещения на планшете. Вчера она нанесла на него мебель, двери и видимые повреждения. Теперь добавила трассу кабеля пунктиром и номер изъятия.

— У шкафа была какая-нибудь техника?

— Сетевой фильтр, принтер, зарядное устройство. Остатки упакованы. Компьютер стоял на столе в двух метрах. Его корпус сильнее повреждён со стороны шкафа.

— То есть он принимал тепло оттуда.

— Вероятно. Но последовательность ещё проверяем.

В подсобку вела узкая дверь. Верхняя часть полотна выгорела, нижняя разбухла от воды. На полу виднелся прямоугольный след от канистры. Саму канистру нашли у наружной стены, смятую и закопчённую.

— Носков говорил о топливе для генератора, — сказала Мила.

— Говорил. Остатки взяли. Генератор стоит в сарае, а запас почему-то держали здесь. Нарушение разумного порядка, возможно и правил хранения, но нарушение ещё не объясняет первое горение у шкафа.

— А второе?

— Может объяснить развитие в подсобке. Не возникновение, пока не исследуем. На дверном проёме следы показывают воздействие с обеих сторон. Сколько и когда — вопрос.

Он подсветил фонарём узкую полосу на косяке. Мила увидела только оттенки чёрного. Бекетов не стал превращать их для неё в картину.

— Между шкафом и подсобкой сильное повреждение есть? — спросила она.

— Под потолком. Там общий дымовой слой и прогар отделки. По полу непрерывной дорожки нет. Но отсутствие дорожки не исключает распространения поверху.

— Электрические линии общие?

— Группы разные. Подсобка сидела на линии веранды, зал — на отдельной. По старой схеме. Соответствует ли схема факту, выясняем.

Он сказал это спокойно, однако именно здесь вчерашняя версия о единственной неисправной розетке стала тесной. Чтобы удержать её, требовалось предположить либо скрытое распространение, либо вторичное воспламенение запаса топлива, либо ошибки в схеме. Каждое предположение было допустимо. Ни одно пока не было подтверждено.

Мила сфотографировала только те участки, которые ей разрешили, и внесла номера кадров в журнал. Потом попросила Бекетова встать на место Носкова.

— Он вошёл с веранды, увидел пламя у шкафа, дал струю из огнетушителя и услышал хлопок в подсобке. Если дверь была закрыта, мог ли он видеть первое горение?

Бекетов встал у порога, пригнулся до роста сторожа.

— Шкаф виден. Подсобка — только проём. Но вчера после тушения дверь была открыта. Её положение при обнаружении надо подтверждать показаниями и следами, не моим сегодняшним взглядом.

— Носков сказал, что дверь прикрыта.

— Мне — что распахнулась после хлопка.

— Это разные вещи.

— Потому показания и не заменяют исследование.

Мила отметила расхождение. Не как ложь, а как точку для повторного вопроса. В минуту, когда человек направляет огнетушитель в дым, створка могла казаться ему и закрытой, и открытой — память достраивала порядок уже после.

Снаружи кто-то громко потребовал пустить его в правление. Дежурный ответил, что до снятия ограничения никто из кооператива не войдёт. Голос принадлежал Петру Зотову, электрику «Рябины».

Он ждал на крыльце в старой куртке с эмблемой энергосбыта, хотя в энергосбыте, как сразу сообщил, не работал уже двенадцать лет.

— Я им объясняю: проводка там моя, — сказал он Миле. — Если надо показать, где что идёт, почему меня держат за дверью?

— Потому что место исследуют. Схемы у вас есть?

— Какие схемы в дачном правлении? В девяносто восьмом меняли алюминий на медь, потом комнату делили. Всё по месту.

— Бекетов видел старую схему.

— Это я Круглову рисовал лет восемь назад. Потом он чайник на подсобку перекинул и обогреватель добавил.

— Сам?

Зотов обиделся.

— Я ему сделал. Через нормальный автомат. Олег Петрович материал дал со своего склада, всё новое.

— Когда последний раз проверяли сеть?

— Осенью. Контакты протянул, нагрев смотрел. В зале розетка капризничала, принтер через неё не включали. Я сказал заменить, но Круглов отложил до собрания.

— Какая розетка?

Зотов показал на окно большого зала, потом понял, что снаружи это бессмысленно.

— Левая от шкафа.

— Та, возле которой сильные повреждения?

— Наверное. Шкаф там один.

Удобная версия вернулась, получила фамилию и дату. Капризная розетка возле сгоревшего архива. Именно такие совпадения начальство любило превращать в результат.

— Что значит «капризничала»? — спросила Мила.

— Вилка грелась.

— Чья вилка?

— Принтера. Или фильтра. Лида жаловалась, я подтянул контакт, но сам механизм хотел поменять.

— После подтяжки нагрев остался?

— При мне нет.

— Почему тогда хотели менять?

— Потому что дешёвая она. И старая.

— Вы записали рекомендацию?

— Куда я её запишу? Сказал председателю.

— Кто слышал?

Зотов посмотрел в сторону ворот.

— Может, Лида. Может, Федя.

— А подсобку осенью проверяли?

— Всё проверял.

— Канистру видели?

— Стояла. Я ругался. Они то унесут, то обратно принесут, потому до сарая зимой тропу замечает.

Мила не спрашивала, могло ли топливо вспыхнуть от проводки. Зотов уже был готов ответить на любой вопрос, который снимал с его работы ответственность.

— В ночь пожара вас здесь не было?

— Дома был. Жена подтвердит.

— Я не устанавливаю алиби. Мне нужна история сети.

Он заметно расслабился и заговорил подробнее: где проходил кабель, какой автомат питал веранду, почему схема устарела. Мила записала только проверяемые сведения. Когда Зотов дошёл до качества современных розеток, она остановила его.

— Старые акты осмотра техники могли храниться у шкафа?

— Откуда мне знать? Бумаги были Круглова.

— Вы помните синюю коробку?

— Все её помнят. На верхней полке торчала. Генка говорил, там его страховка.

— Страховой полис?

— Не такой. Обычная страховка. Если с ним что — чтобы люди знали, куда смотреть.

— Когда говорил?

Зотов потёр переносицу.

— На прошлой неделе. Мы дверь в правление подгоняли, она разбухла. Я спросил, чего коробку домой не унесёт. Он и сказал.

— Кто ещё присутствовал?

— Аркаша Лыткин заходил. За старым насосом.

— Лыткин слышал?

— Стоял рядом.

Мила закрыла блокнот.

— Дословно вспомните.

— Дословно пятилетку помнят только те, кто врёт. Сказал примерно: «Пусть лежит, это моя страховка. Если меня прижмут, откроете». Может, не «прижмут», а «прижмёт». Я значения не придал.

— Кого он называл?

— Никого.

— Лыткин что ответил?

— Велел не болтать глупости. И ушёл с насосом.

По дороге к сторожке Мила позвонила Гушину. Он выслушал, попросил не обсуждать слова Круглова ни с кем из дачников и сказал, что сам повторно опросит Зотова.

— Лыткина нашли? — спросила она.

— Телефон выключен. Дома жена говорит, уехал за запчастями.

— Куда?

— Когда установим, сообщу то, что относится к вашей проверке.

— Круглов искал его перед смертью. Теперь выясняется, что Лыткин слышал про коробку.

— Я тоже умею складывать два факта рядом, Орлова. Не делайте третий без основания.

— Не делаю.

— И не ищите его сами.

— Мне нужен представитель ремонтной мастерской по старому страховому делу.

— Официальный запрос. Никаких поездок по адресам.

После разговора Мила обнаружила на почте письмо от Артемьева с темой «Предварительная позиция». В приложении лежал подготовленный шаблон: причиной пожара предлагалось считать аварийный режим электросети, смерть председателя — сопутствующим обстоятельством, а выплату приостановить из-за возможного нарушения правил эксплуатации.

Дарья прислала отдельное сообщение: «Это не мой текст».

Мила открыла историю документа. Файл создали сорок минут назад в юридическом отделе. В поле «основание» стояли слова Зотова о неисправной розетке, хотя он говорил с Милой меньше получаса назад и никаких официальных показаний страховой ещё не давал.

Она набрала Артемьева.

— Откуда у вас сведения электрика?

— Сазонов прислал объяснение. Его люди с утра собирают документы для кооператива.

— Сазонов не страхователь и не пожарный специалист.

— Он оплатил замену проводки. У него акты на материалы.

— Акты на материалы не устанавливают причину пожара. Зотов сообщил, что после подтяжки контакта нагрев при нём не повторился. Подсобка питалась от другой группы.

— Вы опять собираете неизвестные.

— Я собираю последовательность. Сейчас её нет.

— Есть неисправная розетка в месте наибольшего выгорания.

— Есть рассказ о нагреве вилки несколько месяцев назад, пересказанный заинтересованным лицом. Сам механизм изъят. Вывод даст исследование.

— Сколько вам нужно времени?

— Столько, сколько займут обязательные действия. Сегодня я могу дать промежуточный акт без причины.

- Клиент требует денег на восстановление.
- Тогда приостановка на основании непроверенной версии ему не поможет.
- А резерв в полном размере поможет нашей отчётности?
- Отчётность переживёт резерв. Кооператив может не пережить необоснованный отказ. Артемьев помолчал.
- До вечера пришлите хотя бы таблицу версий.
- Пришлю таблицу фактов и необходимых проверок.

Она положила телефон экраном вниз. Сазонов успел передать страховой объяснение электрика раньше, чем сам электрик закончил разговор на крыльце. Возможно, предприниматель просто помогал людям, которые привыкли не различать помощь и управление. Но помощь почему-то всегда подталкивала к одной и той же версии: старая сеть, небрежный председатель, несчастный случай.

Дарья позвонила через минуту.

— Я нашла индекс бумажных дел до миграции, — сказала она. — Не сами акты, а реестр выдачи из архива.

— Говори номера.

— Дело по рефрижератору: РТ-04-118. Первичный осмотр после возврата, дополнительный осмотр после ремонта, фотографии, заявление об угоне, постановление о прекращении розыска. Бумажный комплект выдали региональному представителю на площадку хранения пятнадцать лет назад.

— Фамилия?

— Круглов. Вернули не всё. В реестре отметка: копия первичного акта и три фотографии оставлены представителю по его письменному запросу. Основание — спор о повреждении ворот при въезде машины.

— Значит, копии могли лежать в синей коробке законно.

— Да. И ещё: в нашей карточке был перечень повреждений при возврате. Не только заменённая задняя защитная деталь.

— Не читай мне вывод. Пришли карточку через внутреннее хранилище.

— Уже загрузила. Там указано: деформация задней поперечины, потёртость правого борта, разбит левый фонарь. Фотографий в цифре нет.

— Кто подписал акт со стороны владельца?

— Механик транспортного участка. Инициалы А. В. Л.

Аркадий Васильевич Лыткин.

Мила посмотрела на клумбу через окно сторожки. Отсюда металлическая полоса почти исчезала под землёй и прошлогодней травой. Пятнадцать лет люди ставили на неё вёдра, опирали лопаты, красили вместе с оградой. Если это была снятая задняя деталь рефрижератора, она лежала не в тайнике. Её выставили там, где любой мог видеть и никто не смотрел.

— Дарья, проверь трудовые сведения только в пределах нашего старого дела. Не ищи Лыткина по открытым базам и не звони ему.

— Потому что Гушин запретил?

— Потому что мы не должны предупреждать человека, чьё положение пока не понимаем. И не должны делать из него виновного по инициалам.

— Акт пропал именно из коробки?

— Мы пока знаем, что коробки нет на полке. Она могла исчезнуть до пожара.

— Карасёва видела её вчера.

— Видела синюю коробку. Не проверяла содержание.

Дарья вздохнула.

— Две стопки.

— На этот раз три. Пожар, старое страховое дело, бампер. Пока отдельно.

К обеду Бекетов разрешил Миле ознакомиться с кратким перечнем изъятого без лабораторных результатов. В нём значились фрагменты проводки из зала и подсобки, автоматические выключатели, остатки сетевого фильтра, содержимое канистры, смывы и обгоревшая бумага. Последняя позиция заинтересовала её больше остальных.

— Где нашли бумагу?

— Под шкафом и в подсобке, — ответил Бекетов. — Обычные обрывки. Текст почти утрачен.

— Бумаги из шкафа могли попасть в подсобку при тушении?

— Могли. Водой, ногами, воздушным потоком. А могли находиться там раньше. Поэтому координаты зафиксированы.

— Между помещениями есть вентиляция?

— Решётка над дверью. Канал короткий. Но лист через неё не пройдёт.

— На обрывках одинаковая бумага?

— Не на глаз. И это опять не причина.

— Понимаю.

Бекетов убрал перечень в папку.

— Знаете, что мешает больше всего?

— Вода?

— Люди, которым уже всё ясно. Электрик защищает проводку, председатель правления из соседнего посёлка доказывает поджог, ваш начальник требует неисправность. Сазонов прислал мне сертификаты на кабель, будто сертификат умеет рассказать, что случилось через восемь лет после покупки.

— Он всем помогает.

— Да. Очень быстро.

Они вышли на крыльцо. У ворот разгружался фургон с эмблемой комбината. Рабочие выносили коробки с питьевой водой и одноразовой посудой для дачников, дежуривших у сгоревшего здания. Карасёва отмечала упаковки в тетради.

Сазонов стоял рядом без куртки, в белой рубашке с закатанными рукавами. Увидев Милу, он подошёл.

— Нашли вашу розетку? — спросил он.

— Розетка принадлежит кооперативу.

— Вы понимаете, о чём я. Пётр рассказал, что предупреждал Круглова.

— Он рассказал и другое.

— Что именно?

— Его объяснение оформят надлежащим образом.

Сазонов улыбнулся, словно она подтвердила мелкую деловую привычку.

— Вам трудно принимать помощь.

— Мне трудно принимать готовый вывод вместе с водой и стаканчиками.

— Вы считаете, я покупаю дачников коробкой воды?

— Я считаю, что вы передали моей компании версию пожара до завершения осмотра.

— Вашей компании нужны документы. Я дал документы.

— Через кого вы узнали, какие именно нужны?

Он посмотрел ей за плечо, на Бекетова.

— Здесь тридцать лет все знают всё. Пётр сам пришёл ко мне за актами на кабель.

— А про старый страховой акт рефрижератора тоже все знают?

Вопрос она произнесла ровно и сразу пожалела не о нём, а о выбранной широте. Гуцин велел не сообщать о находке. Она не сообщила, что акт найден в реестре, однако дала понять, какой документ ищет.

Сазонов не изменился в лице. Только опустил рукава и начал застёгивать манжету.

— У меня было много рефрижераторов.

— Я не называла владельца.

— В коробке лежали мои акты. Вы сами сказали вчера.

Ответ был безупречным. Слишком быстрым назвать его было нельзя: человек мог помнить разговор.

— Какой акт пропал? — спросил он.

— Содержание коробки устанавливается.

— То есть вы не знаете.

— Поэтому и устанавливаю.

Сазонов застегнул вторую манжету.

— Пока вы устанавливаете, люди сидят без правления, а про меня распускают слухи. Я хочу понимать, когда страховая даст деньги.

— Когда будут основания по договору. Ваша настойчивость срок не изменит.

— Изменит, если вы перестанете искать тайну там, где была плохая розетка.

Он вернулся к фургону. Один из рабочих спросил, куда нести воду, и Сазонов ответил обычным хозяйским голосом. Никто вокруг не услышал угрозы, потому что её и не было. Было предложение выбрать удобную причинность. Отказ от неё делал Милу не врагом, а помехой.

Гущин приехал после трёх. Мила передала ему реквизиты старого дела официально, через зарегистрированный ответ страховой. Отдельно пересказала разговор с Зотовым и призналась, что упомянула при Сазонове акт рефрижератора.

— Зачем? — спросил он.

— Проверила реакцию.

— И что получили?

— Безупречный ответ.

— Тогда вы не проверили реакцию. Вы бесплатно сообщили направление проверки.

Мила не стала спорить.

— Это было лишнее.

— Запомните ощущение. Дальше цена лишнего вопроса может быть выше.

Он раскрыл её письмо на служебном планшете.

— РТ-04-118. Лыткин подписал осмотр со стороны владельца. Круглов получил копии. Вы уверены, что в вашем архиве нет дубликата?

— Цифрового нет. Центральный бумажный комплект после реорганизации передавали на хранение подрядчику. Дарья проверяет опись.

— Проверяет — хорошо. Самостоятельно разыскивать свидетелей — нет.

— Я услышала.

— Бекетов пока не подтверждает два очага.

— И я не подтверждаю. Но единая электрическая версия не объясняет всё без дополнительных допущений. Две зоны питались от разных групп. Видимый путь распространения не установлен. Бумага найдена в обоих помещениях. Это основания продолжать проверку, а не закрывать её розеткой.

Гущин пролистал таблицу.

— Хорошо. Что вам нужно от меня?

— Только то, что можно передать законно: окончательный перечень изъятого, сведения о статусе помещения и разрешение на повторный осмотр после снятия ограничений. И подтвердите письменно, что коробка не числится среди изъятого.

— Последнее подтверждаю после сверки.

— Ещё мне нужен сам Лыткин для страховой части старого дела, но разговаривать с ним первой я не буду.

— Это разумно.

— Не привыкайте.

— Уже поздно.

Вечером Дарья нашла опись внешнего архива. Центральное дело РТ-04-118 сохранилось, но в нём не было первичного акта и трёх фотографий — тех самых копий, которые пятнадцать лет назад оставили Круглову. Дополнительный акт после ремонта лежал на месте. В нём стояла новая задняя деталь, установленная мастерской транспортного участка.

— Получается, пропал единственный комплект снимков до ремонта, — сказала Дарья.

— Из известных нам комплектов.

— И первичный акт.

— Его оригинал мог быть не у Круглова. В реестре написано «копия».

— Но в центральном деле его нет.

— Значит, ищем маршрут документа, а не объявляем его уничтоженным.

Мила составила обещанную таблицу. В первой колонке были наблюдения: две зоны сильных повреждений; различные электрические группы; сообщение о нагреве вилки; канистра в подсобке; бумажные обрывки в обоих помещениях; отсутствие синей коробки; старое дело рефрижератора без первичного акта и фотографий.

Во второй — что каждое наблюдение не доказывает. Не доказывает двух независимых источников огня. Не доказывает аварии проводки. Не доказывает умышленного действия. Не доказывает, что коробка сгорела или была похищена. Не доказывает связь бампера с машиной.

В третьей — проверка: лабораторное исследование электрики и остатков; сопоставление зон; опись изъятого; маршрут архивного дела; законный осмотр детали у клумбы.

Артемьев ответил одним предложением: «Когда появится вывод?»

Мила написала: «После данных, отличающих одну версию от другой».

Перед отъездом она ещё раз прошла к воротам. Ограждение вокруг клумбы за день сдвинули, и лента почти касалась металла. Мила позвала дежурного, не поправляя её сама. Под зелёной краской на загнутом краю проступала синяя полоса. Рядом темнело отверстие крепления, забитое землёй.

Телефон завибрировал. Гуцин прислал короткое сообщение: «Сверка завершена. Синяя коробка и документы РТ-04-118 среди изъятого не числятся. Лыткин не вернулся».

Теперь отсутствовал не просто предмет неопределённого содержания. Исчез комплект, который мог показывать рефрижератор до замены задней детали. Человек, подписавший осмотр, пропал из привычного маршрута. А предприниматель, владевший машиной, слишком старательно объяснял пожар одной старой розеткой.

Мила смотрела на бампер и удерживала три стопки отдельно.

Пока отдельно.

Глава 4. Тридцать лет рядом

На внеочередное собрание пришли люди, которые годами не могли собраться даже ради воды.

Большая веранда дома Карасёвой вместила двадцать три человека, ещё десяток стоял в саду под навесом. На столе лежали списки участков, квитанции и принесённый Сазоновым термос. Сам он сел не во главе, а сбоку, оставив председательское место пустым. От этого пустой стул выглядел значительнее.

Мила приехала получить копии документов на повреждённое имущество. Карасёва попросила её остаться и объяснить порядок выплаты. Гушин по телефону не возражал при условии, что она не будет обсуждать уголовную проверку.

— Сразу скажу границы, — начала Мила. — Я могу говорить о договоре страхования, перечне имущества и процедуре осмотра. Причину смерти, виновника пожара и содержание следственных действий я не устанавливаю.

— А кто устанавливает, если полиция молчит? — спросила женщина в красном дождевике.

— Молчание до проверки лучше уверенности до фактов.

— Нам от вашей осторожности крышу не накроют, — отозвался мужчина у двери.

Сазонов поднял ладонь.

— Дайте человеку сказать.

Голоса стихли. Не потому, что просьба была убедительной. Просто её произнёс тот, кто мог завтра прислать шифер и рабочих.

Мила объяснила, какие накладные нужны, почему резерв не равен обещанию выплаты и зачем отделять имущество кооператива от личных вещей Круглова. Вопросы быстро ушли от полиса. Кто откроет общий счёт? Кто подпишет договор на вывоз мусора? Где принимать платежи за летний водопровод?

Карасёва отвечала по тетради. Сазонов — по памяти.

Он знал, у кого есть грузовик, кто даст генератор, какой магазин отпустит материалы с отсрочкой. Когда заговорили о холодильнике для лекарств одинокой дачницы, он позвонил заведующей своей столовой и решил вопрос за минуту.

— Вот потому про Олега Петровича гадости слушать никто не будет, — сказала женщина в дождевике.

— Какие гадости? — спросила Мила.

— Будто он Генку из-за каких-то старых железок... — Женщина осеклась и посмотрела на Сазонова.

— Кто это сказал?

— Уже весь посёлок шепчется.

— Весь посёлок — это сколько конкретных людей?

— Ну, Федька слышал от пожарного.

Носков, сидевший у двери, вскинул голову.

— Не от пожарного. Мне Пашка Зотов сказал, что страховая старую машину ищет.

— Я не говорил, что ищет, — возразил Зотов из сада. — Я сказал, про акт спрашивали.

Слух прошёл полный круг меньше чем за сутки. Мила вспомнила манжеты Сазонова и безупречный ответ. Её лишний вопрос оказался не только подарком ему. Он стал общей версией, в которой каждый добавлял недостающую связь.

— Страховая проверяет документы, имеющие отношение к архиву, — сказала она. — Это не обвинение владельца техники и не вывод о пожаре.

— А бампер зачем огородили? — спросил кто-то снаружи.

— Потому что предмет нельзя перемещать до осмотра.

— Мы на нём пионы двадцать лет растим, а теперь нельзя подойти.

— Пятнадцать, — поправила пожилая женщина у окна. — После того наезда поставили. На веранде стало тихо.

Мила повернулась к ней.

— Какого наезда?

Женщину звали Тамара Белова. У неё был участок у старой объездной, и пятнадцать лет назад она первой увидела велосипед Ирины Нечаевой в канаве.

— Все знают, — сказала Белова. — Девчонку сбили ночью. Машину не нашли. А весной Генка приволок железяку и сделал край клумбы. Я ему ещё сказала: после такого мне всякое железо у дороги поперёк горла.

— Он сказал, откуда деталь?

— Списали где-то.

— Кто привёз?

Белова посмотрела на Носкова, потом на Сазонова.

— На тележке лежала. Кто тащил, не видела.

— Не превращайте смерть Иры в балаган, — сказал Сазонов. — Следствие тогда всё проверило.

— Машину не нашли, — повторила Белова.

— А мою нашли утром на объездной. Осмотрели и вернули. Если бы на ней были следы, меня бы не отпустили.

Он впервые сам соединил свой рефрижератор с наездом при всех. Возможно, потому что связь и без того знали. Возможно, хотел назвать её старой и закрытой раньше, чем это сделает кто-то другой.

— Вы были владельцем машины, — сказала Мила. — Кто находился за рулём до заявленного исчезновения?

— Это вопрос страховой выплаты пятнадцатилетней давности?

— Это вопрос к истории страхового дела.

— Тогда спрашивайте по своим бумагам. Водитель был Виктор Руднев. Через два года умер. Мёртвых удобно тревожить: они не возражают.

Сазонов сказал это без повышения голоса, но люди зашевелились. Мужчина у двери про-бормотал, что Руднев пил. Женщина в дождевике напомнила, как комбинат оплатил похороны. К прежней аварии тут же пристроили человека, которому уже нельзя было задать вопрос.

Мила не продолжила. Собрание не было местом для опроса, а она — следователем.

После перечня имущества Карасёва достала папку с договорами. Большинство расходов кооператива за последние годы так или иначе проходило через Сазонова: щебень для дороги, аренда техники, аварийный ремонт скважины, бесплатное хранение генератора, скидка на питание летнего лагеря. Деньги иногда платили его компании, иногда подрядчикам, которых он находил, иногда не платили вовсе.

— Вот смета на крышу, — сказала Карасёва. — Олег Петрович материал дал в долг. Вернули через два сезона.

— Договор займа есть?

— Расписка Круглова.

— От имени кооператива или личная?

Карасёва сняла очки.

— Там просто написано, сколько листов.

— Для страхового дела мне нужны документы, подтверждающие принадлежность имущества. А для нового правления вам понадобится отдельный учёт.

— Легко говорить, — отрезал Носков. — Когда зимой труба лопаётся, не до договоров. Звоним Олегу — через час техника.

— Я не оцениваю, хорошо это или плохо. Я должна понять, кому принадлежало повреждённое.

— Всё наше, — сказала женщина в дождевике. — И Олег наш.

Сазонов посмотрел в стол.

— Не надо меня защищать как сироту. Отдайте эксперту бумаги.

Он снова выбрал правильную реплику. Мила всё яснее видела устройство его власти. Она не держалась на страхе в чистом виде. Сазонов годами занимал пустоты быстрее, чем люди успевали оформить решение. За это ему отдавали право отвечать первым, знать больше остальных и хранить чужие ключи.

После собрания Белова догнала Милу у калитки.

— Я не всё сказала, — прошептала она. — Железку привезли ночью.

— Вы видели?

— Слышала. У меня бессонница была после Иры. Скрипела тележка по щебню. Утром бампер уже лежал у ворот, а Круглов землю подсыпал.

— Кто вёз тележку?

— Двое. Одного по походке за Генку приняла. Второй хромал.

— Лыткин хромал?

— После армии всегда левую ногу берёг.

— Почему вы не сказали это тогда?

Белова сжала ручки сумки.

— Потому что не знала, что везут. А потом пионы посадили. Кто станет идти в милицию и говорить: ночью слышала тележку, утром увидела клумбу?

— Сейчас вы связываете эти события из-за разговоров о холодильнике?

— Сейчас Генка мёртвый, Аркаша пропал, а вы вокруг железки ленту поставили. Я не совсем дура.

— Именно поэтому важно отделить то, что вы помнили раньше, от того, что узнали теперь. Следователь попросит рассказать подробно.

— Я ему скажу. Только без Олега.

Мила позвонила Гущину при ней и передала телефон не стала. Назвала имя, место и кратко — предмет разговора. Гушин обещал приехать сам.

У ворот Сазонов помогал рабочим складывать пустые коробки. Когда Белова прошла мимо, он вежливо поздоровался. Она не ответила.

— Вы людей напугали, — сказал он Миле.

— Не я сбила Ирину Нечаеву.

— И не я.

— Тогда проверка должна быть вам полезна.

— Проверка пятнадцать лет назад была полезнее. Свежие следы, свежая память. Теперь у вас старухины догадки и кусок металла, который красили десять раз.

— Откуда вы знаете, сколько раз его красили?

— Потому что сам давал краску на субботники.

Он бросил расплюснутую коробку в кузов.

— Хотите понять этот посёлок? Здесь никто тридцать лет не жил отдельно. Круглов хранил мои машины, я чинил им дорогу. Лыткин ремонтировал технику, Белова кормила его детей, когда жена лежала в больнице. Любой ваш факт связан со всеми. Связь не равна преступлению.

— С этим я согласна.

— Не похоже.

— Я как раз не согласна с обратным: польза не равна невиновности.

Сазонов закрыл борт фургона.

— Когда из-за ваших подозрений остановят комбинат, объясните это больнице. Мы в понедельник везём туда питание.

— Страховая проверка не останавливает комбинат.

— Слух иногда быстрее постановления.

Он сел в кабину и уехал. За фургоном осталась сухая полоса: под машиной дождь не успел намочить асфальт.

Дарья тем временем нашла в старой кадровой карточке подтверждение: Лыткин руководил ремонтным участком комбината, а после истории с рефрижератором уволился по соглашению сторон. Через месяц его жена легла на операцию в областную больницу. Плательщиком в договоре значился благотворительный фонд, учреждённый Сазоновым.

— Это может быть обычная помощь, — сказала Мила.

— Может. Но даты стоят рядом.

— Рядом — не значит вследствие.

— Я знаю. Ты уже третий день учишь меня не думать красиво.

— Думай. Только записывай некрасиво: факт отдельно, версия отдельно.

Мила попросила выгрузить подтверждающие документы в закрытый раздел дела. Затем открыла список контактов Круглова, который Карасёва передала полиции и копию которого Гущин разрешил использовать лишь для страховых вопросов. Напротив Лыткина стояли три исходящих звонка за последние двое суток до пожара. Ответа не было. Четвёртый номер значился как городской телефон мастерской.

Звонить Мила не стала.

Вместо этого она поехала в офис комбината за накладными на электрические материалы. Проходная стояла у длинного кирпичного корпуса. Оттуда пахло хлебом, варёной крупой и дизелем. На стенде висели благодарности от школы, дома престарелых и районной больницы. Ни одна не выглядела купленной: даты растянулись на годы, подписи принадлежали разным людям.

Бухгалтер Валентина Ракитина принесла папку до того, как Мила назвала номер договора.

— Олег Петрович предупредил, — объяснила она. — Всё, что касается «Рябины», давать по описи.

— Только с согласия владельца документов. Мне нужны накладные на кабель и автоматы, переданные кооперативу.

— Они здесь. Ещё акты на грейдер, насос, генератор, кровлю.

— Остальное пока не относится к запросу.

Ракитина удивилась.

— Обычно проверяющие требуют всё.

— Обычно потом жалуются, что утонули.

Пока она копировала листы, Мила заметила на корешке соседней папки номер транспортного участка. РТ-04. Рука сама потянулась бы ближе, если бы профессиональная привычка не остановила её раньше.

— У вас сохранились документы по машинам пятнадцатилетней давности? — спросила она.

Ракитина проследила за взглядом.

— Это не старые. Нумерацию участков не меняли.

— А старые где?

— Часть в архиве на холодильном дворе. Часть уничтожили по срокам хранения.

— Кто отвечает за архив?

— Сейчас я. Но доступ по распоряжению директора.

— Тогда направлю официальный запрос.

— Про тот рефрижератор?

— Какой именно?

Бухгалтер поняла ошибку и слишком быстро занялась копиром.

— Олег Петрович сказал, вы спросите про угон.

— Что ещё он сказал?

— Подготовить всё законно. Без самодеятельности.

Формулировка почти повторяла Гущина, только означала противоположное: директор заранее очертил, что увидит проверяющий.

— Лыткин давно работал в транспортном участке? — спросила Мила.

— Я тогда была расчётчиком. Аркадий Васильевич мастер от Бога. После увольнения половина водителей к нему в гараж ездила.

— Почему уволился?

— Семейное. Жена болела.

— Фонд Сазонова оплатил операцию.

Ракитина сняла готовую копию со стекла.

— И слава богу. У них денег не было.

— Это было условием увольнения?

— Что вы такое говорите?

— Спрашиваю.

— Олег Петрович помогал не за условия. У нас водитель Костя руку потерял — ему работу в диспетчерской дали. У поварахи дом сгорел — всем цехом собирали, фонд добавил. Если каждую помощь теперь объявить взяткой, никто никому стакан воды не подаст.

— Я не объявляла. Мне нужна последовательность дат и решений.

— Для вас человек — последовательность?

— Для моего отчёта — да. Иначе я решу по симпатии.

Ракитина вложила накладные в прозрачный файл.

— Тогда запишите: Сазонов спас Свету Лыткину. А Аркадий после этого даже спасибо нормально не сказал. Уволился и пятнадцать лет смотрит волком.

— Почему?

— У него спросите.

— Где он сейчас?

Бухгалтер пожала плечами, но взгляд ушёл к окну, за которым вдоль корпуса тянулись гаражи.

— В своей мастерской обычно. Только вчера не открывался.

На проходной Мила увидела Гущина. Он стоял возле её машины и был явно недоволен.

— Вы обещали не искать Лыткина сами.

— Я запросила документы на проводку. Разговор о Лыткине начала бухгалтер.

— А вопросы продолжили вы.

— В пределах страхового дела.

— Удобная граница.

— Важная, — сказала Мила и вспомнила, что уже отвечала ему этими словами.

Гущин протянул ладонь. Она передала опись полученных копий.

— Мы нашли его машину у автовокзала, — сказал он. — Билет не покупал. Камеры показывают, что он пересел в другой автомобиль.

— Добровольно?

— На записи никто его не тащит. Водителя устанавливаем.

— Телефон?

— Выключен до того, как он вышел из дома.

— Значит, исчезновение не обязательно связано с пожаром.

— Не обязательно. Но жена говорит, запчастей он не планировал. Сказал ей соврать, если станут спрашивать.

— Кого ждал?

— Не сказал.

Они отошли от проходной. За решёткой грузили контейнеры с маркировкой больницы. Рабочие двигались быстро, не обращая на них внимания.

— Белова даст показания про тележку, — сказала Мила. — Она связывает второго человека с Лыткиным по хромоте, но только теперь, после общего слуха. Это может быть поздняя сборка памяти.

— Проверим. Старые фотографии субботников у кооператива есть?

— Карасёва сказала, альбомы хранились по домам. Общий цифровой архив вёл внук Круглова.

— Вот этим можете заняться. Через официальный запрос кооперативу. Без публикаций в дачной группе.

— Мне нужны снимки клумбы по годам и появления детали.

— Мне тоже.

Гущин посмотрел на благодарности за стеклом проходной.

— Полгорода действительно кормит?

— Судя по накладным, значительную часть муниципальных учреждений. И умеет напоминать об этом до того, как ему зададут вопрос.

— Это не преступление.

— Нет. Это причина, по которой ответы за него дают другие.

На обратном пути Мила получила сообщение от неизвестного номера. Всего одна строка: «Не ищите Лыткина, если хотите найти живым».

Она съехала к обочине, остановила машину и не стала нажимать на номер. Сделала снимок экрана, включила авиарежим и позвонила Гущину со второго рабочего телефона.

— Мне пришло предупреждение.

— Текст не пересказывайте по обычной связи. Где вы?

Она назвала километр дороги.

— Стойте на месте. Ничего не удаляйте и не отвечайте.

Через лобовое стекло был виден указатель на «Рябину». За ним начиналась дорога, которую много лет бесплатно ровняла техника Сазонова.

Круглов искал Лыткина. Лыткин слышал слова о синей коробке и подписывал старый акт. Теперь кто-то требовал прекратить поиски, прикрывая угрозой заботой о его жизни.

Тридцать лет рядом означали не только взаимную помощь. Это означало, что каждый путь к свидетелю проходил через человека, которому здесь привыкли звонить первым.

Глава 5. Край клумбы

Гущин приехал через двадцать две минуты. Всё это время Мила сидела в машине на обочине, смотрела на погасший экран первого телефона и считала проезжающие фургоны. Три принадлежали комбинату Сазонова. На бортах были нарисованы белые тарелки и зелёные яблоки — такая мирная эмблема, что угроза в сообщении начинала казаться дурной шуткой.

Она знала этот эффект по страховым делам. Обугленный провод рядом с очагом пожара выглядел виновным, потому что был чёрным. Целый удлинитель в соседней комнате выглядел невиновным, потому что сохранил белую оболочку. Вид подсказывал ответ раньше исследования, а потом человеку приходилось доказывать самому себе, что он ещё ничего не знает.

Гущин поставил машину носом к её автомобилю. С ним приехал молодой сотрудник в гражданском, представившийся капитаном Родиным. Он принял телефон в прозрачный пакет, записал время получения сообщения и отдельно спросил, касалась ли Мила аппарата после снимка экрана.

— Нет. Переключила режим и положила на сиденье.

— Кто знал номер?

— Страховая, кооператив, подрядчики по осмотру. Он стоит в моей подписи под письмами.

— Лыткин?

— Я ему не звонила.

Гущин ждал возле капота, пока Родин закончит. Дождь прекратился, но с деревьев ещё падали тяжёлые капли.

— Теперь можете пересказать, что подумали, — сказал он.

— Отправитель утверждает, будто поиски опасны для Лыткина. Это может быть попытка меня остановить. Может быть сообщение человека, который действительно знает, где он. Может быть сам Лыткин попросил передать.

— А что вы почувствовали?

— Это имеет значение для протокола?

— Для протокола нет. Для следующего вашего решения — имеет.

Мила посмотрела на указатель «Рябина».

— Что мой вопрос в правлении разбудил историю, которая пятнадцать лет никому не мешала.

— История уже проснулась до вас. Круглов звонил Лыткину, архив горел, председатель умер. Не присваивайте себе ни чужую вину, ни чужое могущество.

— Удобный совет от человека с полномочиями.

— Полномочия не мешают делать глупости. Просто мои глупости потом подшивают к делу.

Он кивнул на второй телефон у неё в руке.

— Едем в «Рябину». Клумбу осмотрим сегодня. Вы участвуете как специалист по страховому делу и показываете только то, что уже наблюдали. Предмет не чистите, краску не соскребаετε, догадки о марке машины свидетелям не сообщаете.

— Я и без инструкции не собиралась.

— После сообщения инструкция нужна нам обоим.

У ворот кооператива стало люднее, чем утром. За сигнальной лентой стояли человек десять. Карасёва пыталась оттеснить их к сторожке, но сама не отходила от клумбы. На мокрой земле лежали лепестки прошлогодних пионов, почти прозрачные, похожие на рыбу чешую.

Металлический край выступал из почвы сантиметров на двадцать. Его красили зелёным, потом белым, потом снова зелёным. Верхний слой облупился длинными островками, и под

ним проступали серый грунт, тёмная ржавчина и тонкая синяя полоса. Слева металл уходил под корни куста. Справа заканчивался неровным срезом, который много лет принимали за обычный край листа.

— Пионы не погубите, — сказала Карасёва вместо приветствия. — Их Лыткина сажала.

— Пока ничего вынимать не будут, — ответил Гуцин. — Сначала внешний осмотр.

— А потом?

— Потом решит следствие.

— Следствие решит, цвести им или нет?

— Нет. Решит, является ли металл предметом, имеющим значение.

Карасёва скрестила руки. За ней Носков объяснял соседям, что бампер от грузовика не бывает таким узким. Пожилой мужчина в кепке возражал: если его распрямить, ещё не таким станет. Каждый говорил уверенно, словно пятнадцать лет готовился именно к этому осмотру.

Родин попросил людей не комментировать вслух. Фотограф начал с общего вида ворот, дороги и клумбы. Затем установил масштабную линейку возле каждого видимого повреждения. Мила стояла рядом с Гуциным и впервые рассматривала металл не украдкой.

— Что вы увидели в первый день? — спросил он.

— Кривизна не соответствует самодельной полосе. Здесь сохраняется заводской радиус. На внутренней стороне есть усилительный профиль, а в этом месте — остаток крепления. Видимая складка могла возникнуть от удара, но по ней одной нельзя определить предмет столкновения.

— Почему решили, что задний бампер?

— По форме профиля и расположению крепления. Передние детали у техники того времени обычно имели другую конфигурацию. Но это предварительное мнение. Нужны размеры, маркировка и сравнение с каталогом.

— С рефрижератором Сазонова?

— Сначала с типом детали. Иначе мы будем подгонять.

Фотограф перешёл на внутреннюю сторону. До неё можно было добраться через узкий промежуток между металлом и доской, которой когда-то укрепили землю. Свет фонаря лёг на ржавую поверхность. Мила увидела две круглые площадки от крепежа и вытянутую царяпину, уходящую под землю.

— Там что-то есть, — сказал фотограф.

Он сменил угол. Под слоем грязи проступили три выпуклых знака. Не номер целиком — только конец группы, похожий на «74К».

Гуцин присел, не пересекая ленту.

— Это маркировка?

— Возможно. Или обозначение партии. Сейчас важнее зафиксировать как есть.

Сзади кто-то шумно выдохнул.

Мила обернулась. Тамара Белова стояла возле сторожки, прижав к груди матерчатую сумку. Рядом с ней был Носков. Его губы шевельнулись: «Я же говорил». Белова смотрела не на знаки, а на правый конец металла.

— Там раньше была ещё железка, — сказала она.

Родин попросил остальных отойти и подошёл к ней.

— Вы это когда видели?

— Когда только привезли. Сбоку торчало ухо. Генка его потом доской закрыл.

— До сегодняшнего разговора кому-нибудь рассказывали?

— Нет. А что рассказывать про ухо?

Мила заставила себя не задавать вопросов. Белова уже давала объяснение Гуцину, и новая деталь должна была остаться в его процедуре. Она снова повернулась к бордюру.

Ударная складка находилась ближе к середине. Не вмятина в обычном смысле — металл был не просто продавлен, а как будто собран в короткую волну. Поверх зелёной краски на выступе сохранилась белёсая дуга, слишком свежая для основного повреждения. Вероятно, след одного из субботников: лопата, тачка, удар косилки. Пятнадцать лет открытого использования наслаивались на то, что произошло раньше.

— Если его красили каждый год, что вообще можно установить? — спросила Карасёва.

— Каждый год? — переспросил Родин.

— Не каждый. Когда руки доходили.

— Кто покупал краску?

— Да кто когда. Олег Петрович давал остатки, Круглов приносил, я однажды банку покупала.

— Цвет помните?

— Зелёный. Как забор.

— В каком году впервые красили?

Карасёва задумалась и посмотрела на кусты.

— На первом субботнике после того, как сделали клумбу. Пионы уже были посажены. У Веры Лыткиной спросите. Она смешивала зелёную с белой, потому что тёмной не хватало.

— Вера Лыткина — жена Аркадия?

— Да.

— Она сейчас где?

— Дома. После его исчезновения давление поднялось.

Гущин коротко взглянул на Родин. Тот отошёл звонить.

Мила сделала запись в рабочем журнале: происхождение слоёв краски может быть подтверждено свидетелями и фотографиями, но доступная поверхность многократно изменена после установки. Это уменьшало ценность случайных следов и одновременно превращало последовательность слоёв в календарь.

Сама деталь была старше клумбы. Синий заводской слой лежал под серым грунтом на внешней стороне, но на загнутом краю порядок выглядел иначе: синий, тёмно-красный, серый, несколько бытовых зелёных. Если это не обман зрения, после заводской окраски машину перекрашивали в цвет, который мог совпадать с фирменными фургонами раннего комбината.

— У Сазонова машины всегда были белые? — спросила она у Карасёвой.

— Сейчас белые. Первые — бордовые с жёлтыми буквами. Страшные, как вагоны.

— Рефрижератор тоже?

— Кажется. Вы же сказали, не строить догадки.

— И правильно помните. Я уточняю цвет парка, не происхождение этой детали.

— Разница только для вас.

— Пока да.

К воротам подъехала машина криминалистической службы. После короткого разговора специалисты решили открыть два небольших участка без извлечения детали: один у вероятной маркировки, другой — на удалённом от складки конце для сравнения покрытий. Кусты подвязали, землю сняли вручную слоями. Мила наблюдала с дорожки и диктовала свои замечания в страховой журнал только после того, как соответствующий участок фиксировали процессуально.

Полная группа знаков появилась не сразу. Первые символы скрывались под комком затвердевшей глины и корнем толщиной с палец. Когда землю убрали, на внутренней поверхности проступила штампованная строка. Специалист прочитал её вслух по символам и повторил для записи.

Мила переписала последовательность. В памяти всплыл старый альбом каталогов, которым пользовались оценщики до общей электронной базы. Обозначение было похоже на индекс

заднего защитного элемента одной серии среднетоннажных шасси. Такие шасси часто переделывали под холодильные кузова, но ставили и на хлебные фургоны, мастерские, аварийные машины.

— Узнаёте? — спросил Гущин.

— Узнаю структуру номера. Не конкретную машину. Нужна проверка по каталогу производителя и модификациям.

— Но это от грузовика?

— Вероятнее всего, от среднетоннажного шасси. Точнее скажу после сопоставления.

За лентой сразу заговорили. Слово «грузовик» оказалось достаточно громким, чтобы пройти от одного человека к другому.

— Осмотр окончен, — повысил голос Гущин. — Предварительные замечания участников не являются выводами экспертизы.

— Так снимайте железку, чего тянуть? — крикнул мужчина в кепке.

— А если под ней корни? — возмутилась Карасёва.

— Корни новые вырастут.

— У вас всё новое вырастет, кроме совести.

Спор разгорелся мгновенно. Пятнадцать лет металл был ничейным мусором, а за несколько минут стал для одних уликой, для других собственностью кооператива, для третьих памятником привычной жизни. Мила отошла к сторожке. На стене висела выпцветшая фотография: люди с лопатами возле свежей клумбы, молодой Круглов держит ведро, женщины раскладывают клубни. Бордюр виден сбоку, почти целиком.

— Это копия, — сказал Носков за её спиной. — Оригинал у Кругловых.

— Когда снято?

— На обороте написано. Сейчас не снять, рамка прикручена.

— И не надо. Сфотографируем вместе с рамкой и стеной.

Она позвала Родина. Пока он фиксировал снимок, Мила всматривалась в маленькие фигуры. У дальнего края клумбы стоял Аркадий Лыткин — моложе, тяжелее, с лопатой вместо трости. Его жена Вера была на коленях у кустов. Между ними и Кругловым лежал ещё не засыпанный конец бампера. На нём различалось то самое боковое «ухо», о котором вспомнила Белова.

Но важнее оказался фон. За открытыми воротами стоял рефрижератор с тёмным кузовом. Машина попала в кадр лишь наполовину, номер был закрыт людьми, задняя часть обрезана краем фотографии. На двери угадывались две светлые буквы.

— Чья машина? — спросил Родин у Носкова.

— Да разве поймёшь. Тогда Сазонов продукты на каждый праздник привозил.

— Это его фирменная окраска?

— Похожа.

— Почему грузовик стоял здесь во время субботника?

— Землю, может, привёз. Или столы. Я не помню.

Родин записал ответ без комментария.

Мила приблизила фотографию на экране своего рабочего планшета, не обрезая исходный кадр. На борту рефрижератора шла горизонтальная светлая полоса. Задний угол был виден плохо, но блестящая линия бампера казалась ровной и новой.

Если снимок сделали после установки клумбы, машина уже получила заменённую деталь. Если до — совпадение теряло смысл. Дата на обороте могла быть ошибочной, а сам фургон — другим автомобилем той же серии.

— Мне нужна цифровая копия в исходном разрешении, — сказала она. — И другие снимки этого дня до и после.

— Внук Круглова обещал доступ вечером, — напомнил Гушин. — Получите через Карасёву копии для страхового дела. Мы заберём оригиналы по описи.

— На фотографии новая задняя деталь.

— Я вижу светлую полосу.

— Пока только её.

Гушин усмехнулся.

— Учитесь.

— Чему?

— Не превращать увиденное в название доказательства.

— Я вас этому второй день учу.

— Значит, хороший учитель.

Его телефон зазвонил. Он выслушал собеседника, отошёл к воротам и вернулся уже без усмешки.

— Машину, в которую пересел Лыткин, установили. Частный микроавтобус. Владелец возит людей на рынки и в больницы. Говорит, высадил его у северной развязки.

— Дальше камеры есть?

— Работаем.

— Водитель знал его?

— По имени нет. По фотографии узнал. Лыткин заплатил наличными и попросил не заезжать на станцию.

— Значит, ушёл сам.

— Из дома — похоже, сам. Это ничего не говорит о том, свободен ли он сейчас.

Мила посмотрела на клумбу. Кто-то заботливо поставил возле кустов перевёрнутое ведро, чтобы рабочие не наступили на молодые побеги. Вся история держалась на таких двойных жестах: помочь жене, а потом купить молчание; спрятать бампер, а потом выставить его у ворот; предупредить не искать человека, оставив неизвестным, от кого его спасают.

— Сообщение мог отправить он, — сказала она. — Или попросить водителя.

— Мог. Номер зарегистрирован на чужие данные, это пока всё.

— Клумбу нужно охранять ночью.

— Уже.

— Сазонов узнает маркировку раньше, чем мы получим каталог.

— Он и без маркировки знает, что у него спрашивают про старую машину.

— Тогда почему деталь до сих пор здесь?

Гушин посмотрел на людей за лентой.

— Хороший вопрос. Может, не знал. Может, считал обычным железом. Может, понимал, что исчезновение заметят. А может, она доказывает не то, что мы думаем.

Специалисты закрыли открытые участки защитным материалом. Изъятие назначили на утро: требовалось описать состояние посадок, пригласить представителя кооператива и подготовить опору, чтобы тяжёлая полоса не разрушилась при подъёме. Карасёва потребовала записать в протокол каждый куст. Родин записал.

Когда люди начали расходиться, Вера Лыткина позвонила сама. Говорила она тихо, и Гушин включил громкую связь только после её согласия. Мила стояла в двух шагах и слышала, как женщина тяжело дышит между фразами.

— Аркадий позвонил, — сказала Вера. — На минуту. Сказал, что живой.

— Откуда звонил?

— Номер не показался.

— Что ещё сказал?

— Чтобы я не ездила в мастерскую и никому не открывала. И чтобы пионы не дали выкопать без него.

Гущин посмотрел на Милу.

— Почему его волнуют пионы?

— Он сказал: «Они опять полезли к железу». Потом связь оборвалась.

— Кто — они?

— Не знаю. Я спросить не успела.

— Он говорил свободно? Рядом кто-то был?

— Шумела дорога. Голос его. Испуганный, но его.

— Просил вас что-то передать Круглову, Сазонову, страховой?

— Круглову? — переспросила Вера и заплакала. — Аркаша не знает, что Геннадий мёртвый.

После звонка Гущин поручил Родину ехать к ней. Мила не предложила помощь. Всё, что она могла сделать сейчас законно и полезно, находилось не в доме Лыткиных, а в документах.

В машине она открыла корпоративный каталог старых деталей. Новые индексы находились быстро, снятые с производства серии — только в архивных приложениях. По штампованной строке система выдала четыре совместимых шасси. Два в Лесогорском районе никогда не регистрировались. Одно принадлежало коммунальной службе и было списано десять лет назад с родным бампером. Четвёртая серия совпадала с шасси рефрижератора, застрахованного пятнадцать лет назад компанией Сазонова.

Не конкретный автомобиль. Серия.

Мила сохранила результат поиска вместе с версией каталога и временем запроса. Затем открыла карточку старого страхового дела, доступ к которой Дарья восстановила утром. В перечне повреждений после заявленного угона значились замок кабины, правая дверь и наружное зеркало. Строки о заднем бампере не было. На приёмочной фотографии машина стояла под углом, задняя часть уходила за край кадра.

Зато в счёте ремонтной организации обнаружилась позиция, которой не было в акте осмотра: «элемент задний защитный, замена».

Исполнитель — ремонтный участок пищевого комбината. Ответственный мастер — А. В. Лыткин.

Мила перечитала строку трижды. В старом деле кто-то оплатил замену детали, не описанной среди повреждений после угона. Это ещё не означало, что бампер был повреждён в наезде. Его могли заменить из-за давней коррозии, хозяйственной аварии, требования техосмотра. Но теперь у открытого всем металла появилась документальная тень.

Она позвонила Дарье.

— Нужна полная версия счёта и журнал согласования выплаты. Не пересылай обычной почтой, положи в закрытый раздел.

— Нашла что-то?

— Несоответствие между актом и ремонтом. Пока только оно.

— Бампер?

— Да. И не произноси фамилию источника в общем чате.

— Какого источника?

Мила помолчала. Дарья не знала о звонке Веры и не могла знать, что Лыткин сам назвал интерес к железу. Правильный ответ был прост.

— Никакого. Я неудачно выразилась. Все персональные данные — только в закрытом разделе.

Она завершила звонок и увидела, что Гущин стоит у водительской двери.

— Совпало? — спросил он.

— Серия детали совместима с моделью застрахованного рефрижератора. В старом счёте есть замена заднего защитного элемента, которой нет в акте повреждений.

— Кто подписал?

— Ответственный мастер Лыткин. Но я передам копию официально, а вы сами определите, что из этого использовать.

— Вот теперь у нас есть путь от клумбы к машине. Не доказательство наезда.

— Именно.

За воротами ветер шевельнул сигнальную ленту. Она задела металлический край и издала короткий сухой звук. Люди слышали его на каждом субботнике, дети садились на бордюр, рабочие опирали о него лопаты. Улика не была спрятана. Спрятанным оставалось значение.

Гущин забрал подготовленную копию описи и ушёл к своей машине. Мила задержалась ещё на минуту.

Под пионами лежала деталь той же серии, что стояла на исчезнувшем в ночь гибели Ирины холодильнике. После той ночи машину вернули с новым бампером. Старый вскоре оказался у ворот, где Круглов и Лыткин засыпали его землёй, но не уничтожили.

На рабочем экране высветилось новое сообщение от Дарьи: «Нашла второй полис. Угон заявили через сорок минут после наезда».

Мила не стала отвечать. Внесла сообщение в журнал, сохранила время и подняла глаза на тёмный кузов холодильника на старой фотографии.

Между гибелью Ирины и заявлением об угоне оставалось сорок минут. Достаточно, чтобы машина исчезла с дороги. Недостаточно, чтобы случайная замена бампера перестала быть вопросом.

Глава 6. Общий металл

Цифровой архив «Рябины» оказался не архивом, а семейной перепиской длиной в пятнадцать лет.

Внук Круглова прислал ссылку на папку, куда сваливали фотографии с праздников, субботников, собраний и случайных приездов. Названия файлов ничего не объясняли: «дача», «дача2», «май хороший», «папа с мангалом», «те же». Даты съёмки сохранились только у части снимков. Некоторые прошли через мессенджеры и получили время пересылки вместо времени создания.

Мила открыла папку в присутствии Карасёвой и включила запись действий. Гуцин забрал оригинальные бумажные альбомы утром, а кооператив официально разрешил страховщику работать с копиями для оценки повреждённого имущества. Дарья подключилась из офиса и вывела на второй экран таблицу.

— Не ищем красивую историю, — сказала Мила. — Ищем независимые привязки: дата файла, сезон, возраст детей, состояние построек, номера газет, протоколы субботников. Отдельно фиксируем, что видно на металле. Не называем его бампером в графе наблюдения.

— «Железка» подойдёт? — спросила Дарья.

— «Металлический бордюр». Иначе через час мы начнём видеть то, что уже решили.

Карасёва уселась между ними с кружкой растворимого кофе.

— А я зачем?

— Узнавать людей и события. Но если дату знаете потому, что увидели её в названии файла, говорите об этом.

— Я ещё не настолько старая.

— Память не стареет по расписанию. Она достраивает удобное всем.

— У вас, значит, не достраивает?

— У меня тоже. Поэтому мы ведём таблицу.

Первый час клумба почти не появлялась. Люди снимали лица, столы с пирогами, детей у ворот, но не край земли возле их ног. Металл попадал в нижний угол кадра, прятался за сапогами, ведром или колёсами тележки. Именно случайность делала снимки полезными: никто не фотографировал улику и не подбирал ракурс для будущего рассказа.

На самой ранней серии земля возле ворот была свежей. Кусты пионов ещё не поднялись, металлическая полоса лежала выше, чем теперь. У правого края виднелось боковое крепление, позднее закрытое доской. В складке уже существовала глубокая тень.

— Это день посадки, — сказала Карасёва. — Вера принесла корни от матери.

— Чем подтверждается год?

— На снимке Петька Белов в выпускной куртке. Он в тот год школу закончил.

Дарья нашла в той же папке фотографию с последнего звонка: Пётр Белов действительно стоял в той же куртке, а имя школы и год читались на ленте одноклассницы. Затем в протоколе правления обнаружилась запись о покупке досок для «ограждения новой клумбы». Платёж прошёл через три недели после гибели Ирины Нечаевой.

— Не пишем «бампер появился после наезда», — сказала Мила. — Пока: на фотографии, относимой к маю такого-то года, металлический бордюр уже установлен. В протоколе за этот месяц есть новая клумба.

— Но это и есть после наезда, — возразила Карасёва.

— Для календаря — да. Для причинной связи — ещё нет.

Следующая серия была летней. Пионы цвели, металл покрыли светло-зелёной краской. На складке краска легла непрерывно, значит, повреждение существовало до первой зафиксированной покраски. На внутреннем изгибе сохранялся тёмный участок, куда кисть не достала.

Дарья увеличила снимок.

— Вмятина такая же.

— Проверь по опорным точкам.

Они выбрали три: край крепёжной площадки, вершину складки и старый срез. Масштаб менялся, углы съёмки тоже, поэтому прямое наложение было невозможно. Но взаимное положение точек сохранялось на каждом кадре. Ни один поздний удар не создавал основную форму заново.

Карасёва сначала помогала охотно, потом начала сердиться. На снимках проходила её собственная жизнь: первый внук в коляске, умерший муж с досками, Круглов ещё без седины, Сазонов в дешёвой куртке рядом с первыми грузчиками. Мила превращала всё это в строки: источник, предполагаемая дата, подтверждение, наблюдаемый признак, степень надёжности.

— Для вас тут только железо, — сказала Карасёва.

— Сейчас — да.

— Генка каждый год эти кусты подвязывал.

— Это тоже важно, если он видел состояние бордюра.

— Вот. Опять важно потому, что видел.

Мила закрыла очередной снимок.

— Расскажите, чем клумба была для него.

Карасёва растерялась от прямого вопроса.

— Следил, чтобы не затоптали. На субботниках первым красил. Когда ворота расширяли, все говорили перенести, а он упёрся. Пришлось въезд в другую сторону двигать.

— Когда это было?

— Лет восемь назад.

В протоколах нашли обсуждение расширения ворот для пожарной машины. Подрядчик предлагал убрать клумбу и выровнять проезд. Круглов настоял на более дорогом варианте: перенести одну опору и оставить посадки на месте. В обосновании стояло: «многолетние насаждения общего пользования».

— Пионы были предлогом, — сказала Дарья.

— Или причиной, — ответила Мила. — Люди защищают клумбы и без преступлений.

— Но он сохранил именно металл.

— В протоколе про металл ничего нет.

Карасёва допила кофе.

— Генка сказал тогда: если выдернуть эту полосу, вся земля расползётся. Подрядчик смеялся, предлагал новый бордюр бесплатно. Генка чуть не выгнал его.

— Это вы слышали лично?

— На правлении. Половина правления слышала.

— Запишем как воспоминание, отдельно от протокола.

К полудню таблица содержала сорок семь изображений. На тридцати одном металлическая полоса была видна достаточно, чтобы сравнить форму. Семь имели надёжную календарную дату из исходного файла. Ещё девять привязывались к документированным событиям. Остальные давали только последовательность слоёв краски и изменения вокруг.

Белый слой появился на третий год, после ремонта ворот. Тёмно-зелёный — через два года. Потом бордюр долго не красили, и на выступе открылась ржавчина. На фотографии с юбилея кооператива рядом стоял Сазонов, опираясь подошвой прямо на складку. Он смотрел в объектив и держал коробку с новым насосом для скважины.

— Значит, видел, — сказала Дарья.

— Видел клумбу, — поправила Мила. — Не доказано, что понимал происхождение металла.

— Если это его машина...

— Если. И если он помнил форму повреждения через годы. И если вообще смотрел под ноги. Не складывай три предположения в один факт.

На другом снимке Сазонов красил бордюр вместе с Кругловым. Кисти у них были одинаковые, банка стояла одна. Фотография выглядела почти издевательски: возможный владелец машины собственными руками сохранял предмет, который теперь связывали с давним наездом.

Мила увеличила банку. На этикетке читалось название промышленной эмали комбината.

— Вот почему он знал про число покрасок, — сказала Карасёва. — Сам краску привозил.

— Про число он не сказал. Он сказал, что красили десять раз.

— Это у нас значит много.

— В протоколе такое уточнение пригодится.

Дарья внесла пометку. Затем нашла ещё один кадр той же серии, снятый через несколько секунд. Сазонов отвернулся к воротам, Круглов смотрел на него, не улыбаясь. За ними Лыткин нёс пустую банку. На его левой руке была рабочая перчатка, правая оставалась голой.

— Они все трое рядом, — сказала Карасёва.

— На общем субботнике, — ответила Мила.

— Вы умеете сделать невинным что угодно.

— Нет. Я стараюсь не сделать виновным раньше доказательств.

Карасёва резко встала, унесла кружку к раковине и долго мыла её под сильной струёй.

— А Генку кто так осторожно не сделал виновным? — спросила она, не оборачиваясь.

— Уже говорят, что он шантажировал Олега. Что сам бампер спрятал и деньги тянул.

— Кто говорит?

— Люди.

— Сазонов?

— Он ничего не говорит. Поэтому остальные стараются.

Мила сохранила таблицу и закрыла доступ на редактирование.

— Круглов мог участвовать в сокрытии детали. Это не означает шантаж. Если у вас есть письма, записи или его объяснения, их нужно передать Гущину.

— Было бы объяснение — Генка был бы жив.

— Не обязательно.

— Вы всё время говорите «не обязательно». А обязательно здесь только хоронить.

Карасёва вышла на крыльцо. Мила не пошла следом. Сочувствие не давало ей права обещать простую версию.

Дарья сняла наушники.

— Я нашла исходник той фотографии с рефрижератором. Он не в общей папке, а в резервной копии телефона Круглова. Дата создания сохранилась.

— Надёжно?

— Метаданные плюс соседние снимки. В тот же день районная газета фотографировала праздник посадок, номер газеты есть на столе. Это через двадцать шесть дней после наезда.

На исходнике задняя часть машины была видна лучше. Блестящий защитный элемент тянулся ровно, без складки. Номер автомобиля закрывал стоящий человек, но на двери читалось название компании Сазонова. Модель кузова и расположение фонарей соответствовали старой карточке полиса.

— Отдельно сохраняй исходник, контрольную сумму и путь получения, — сказала Мила.

— Сравнение машины пусть делает назначенный специалист.

— Но это она.

— Это фотография рефрижератора компании той же модели через двадцать шесть дней после наезда. Не больше.

— А старый бампер в земле в трёх метрах.

— И это отдельный факт.

— Когда их можно будет соединить?

— Когда соединение выдержит человека, который не хочет нам верить.

Мила отправила Гушину уведомление о найденном источнике. Сам файл передали через согласованный защищённый канал вместе с описанием происхождения. Через десять минут он позвонил.

— Изъяли бордюр, — сказал Гушин. — Подземная часть сохранилась лучше. Маркировка читается целиком.

— Совпадает с каталогом?

— Специалист подтвердил модельный ряд. Серийного номера конкретной машины на детали нет.

— Ожидаемо.

— Зато под креплением есть остатки тёмно-красного покрытия. Отбор сделали.

— У ранних машин комбината был бордовый цвет.

— Это нам уже рассказали пять человек. Цвет сравнят инструментально, а не голосованием.

— У меня фотографии по слоям и годам. Основная складка существует до первой покраски клумбы и не меняет геометрию на датированных снимках.

— Присылайте отчёт наблюдения. Ещё одно: возле мастерской Лыткина ночью задержали человека.

Мила выпрямилась.

— Кто?

— Бывший работник комбината. Говорит, хотел забрать свой инструмент.

— В закрытой мастерской, после звонка Лыткина жене?

— Именно поэтому с ним сейчас разговаривают. Не делайте выводов и не езжайте туда.

— Я не собиралась.

— Вы это произносите всё быстрее.

После разговора Мила вернулась к снимкам. Теперь пустая клумба выглядела странно: земля осыпалась внутрь, кусты держались на временной доске. На месте металла осталась длинная выемка, одинаково доступная всем и никем не замеченная как тайник.

Карасёва вернулась и молча положила перед Милой потрёпанный конверт.

— Нашла в шкафу с грамотами. Фотографии, которые не успели вклеить.

В конверте лежали отпечатки разных лет. На обороте Круглов подписывал даты и имена. Один снимок был сделан зимой: снега почти не было, клумба стояла пустой, и металлический край открывался целиком. Подпись гласила: «После замены ворот, декабрь». Складка, срез и крепёжная площадка различались особенно ясно.

На дальнем плане человек грузил в машину старые доски. Лица не было видно, зато на куртке читалась фамилия, нанесённая белой краской: «Лыткин».

— Он часто помогал Круглову? — спросила Мила.

— Раньше постоянно. Потом перестал. Но если Генка звал без свидетелей, приходил.

— Откуда вы знаете про свидетелей?

— Потому что при людях они почти не разговаривали.

— После какого времени?

Карасёва указала на первую фотографию новой клумбы.

— После Иры.

Мила записала ответ как воспоминание. Рядом поставила отметку: проверить по другим свидетелям, не сообщая им формулировку Карасёвой.

В конце конверта обнаружился снимок старой объездной. На переднем плане стоял велосипедный знак, дальше — венки у столба. Фотография была сделана вскоре после гибели Ирины. Круглов снимал дорогу с обочины, и в кадр попал поворот к кооперативу.

На обороте не было подписи. Только четыре цифры шариковой ручкой — номер страхового дела об угоне рефрижератора.

— Вы это видели? — спросила Мила.

Карасёва побледнела.

— Нет.

— Конверт где лежал?

— В правлении. В металлическом шкафу с грамотами. Его огонь почти не взял.

— Кто имел доступ после пожара?

— Я, Носков, полиция. Олег приходил, но один не оставался.

Мила не стала переворачивать снимок снова. Убрала руки со стола и позвонила Гушину.

Он приехал через сорок минут. Осмотрел шкаф, конверт и снимок, опросил Карасёву о находке. Мила передала запись работы с архивом и показала, где касалась остальных фотографий до обнаружения подписи.

— Круглов сам связал дорогу со страховым делом, — сказала она, когда формальности закончились.

— Связал номером на фотографии. Не знаем когда и почему.

— Ваши слова начинают на меня действовать.

— Опасный побочный эффект.

Он убрал снимок в пакет.

— Но теперь понятно, что интерес Круглова к старому акту возник не накануне пожара. Он хранил эту связь годами.

— И хранил бампер на виду.

— Если считал его тем самым бампером.

— Лыткин знает.

— Поэтому его найдём мы, а не вы.

У ворот рабочие укрепляли пустой край клумбы. Вера Лыткина не приехала, но передала через соседку просьбу сохранить каждый выкопанный корень. Карасёва распоряжалась пересадкой так же строго, как утром следила за протоколом изъятия.

Мила собрала рабочие файлы. За день они установили не происхождение детали, а нечто более устойчивое: металл появился у ворот в течение месяца после гибели Ирины, основная складка существовала до первой общей покраски, пятнадцать лет форма не менялась, Круглов препятствовал замене бордюра, а номер страхового дела хранил на обороте фотографии места наезда.

Улика лежала в открытом доступе не потому, что все знали её смысл. Напротив: каждый видел в ней своё. Карасёва — край любимой клумбы. Носков — удобный упор для лопаты. Сазонов — предмет, который можно красить вместе со всеми. Круглов, возможно, видел долг, от которого не сумел избавиться. Лыткин — причину не подходить к воротам без необходимости.

На выезде из «Рябины» Миле позвонила Дарья.

— Подняла дело Ирины по открытым описям. Там есть время вызова скорой и схема места. Наезд произошёл раньше, чем мы считали. Не сорок минут до заявления об угоне, а час двенадцать.

— Почему разница?

— В газетной заметке время округлили. В полицейской описи точное.

— Исправь таблицу и сохрани оба источника. Что это меняет?

— У водителя было больше времени.

— Это меняет окно событий. Про водителя по-прежнему ничего.

— Ещё в описи есть фамилия человека, который первым сообщил о велосипеде. Не Белова.

— Кто?

— Геннадий Круглов.

Мила остановилась перед шлагбаумом. В памяти Белова стояла у окна и говорила, что первой увидела велосипед в канаве. Возможно, увидела первой, но не она позвонила. Возможно, Круглов оказался на дороге раньше неё. Тогда он не просто услышал о наезде и помог спрятать железо позднее.

Он был там в ту ночь.

Глава 7. Старая выплата

Архив страховой компании находился в бывшем мебельном магазине. От прежней жизни здания остались широкие окна, покрашенные изнутри серым, и грузовая рампа, по которой теперь катили не диваны, а короба с делами. Над дверью висела новая вывеска, а под ней — старая металлическая полоса с выцветшей надписью «Приём товара».

Мила приехала к открытию. Дарья ждала у проходной с двумя бумажными стаканами и папкой разрешений.

— Я ничего не заказывала заранее, — сказала она вместо приветствия. — Только проверила описи и наличие коробов. Чтобы никто не подготовил удобные листы.

— Правильно.

Их провела внутрь заведующая архивом Шубина. Она сверила удостоверения и попросила оставить сумки в шкафчике. Фотографировать можно было только архивной камерой, файлы с которой выгружались сотрудником под журнал.

— Дело старое, — сказала Шубина. — Часть документов могла уйти по сроку хранения.

— В электронной описи оно числится полным, — ответила Дарья.

— Электронная опись не знает, что мыши тоже умеют читать.

На стол поставили два короба: дело по заявленному угону рефрижератора и папку выплат транспортному подразделению компании Сазонова за тот год.

Мила начала с журнала движения. Дело выдавали семь раз за первые два года: внутреннему контролёру, юристу, специалисту по регрессу. Потом оно лежало без движения почти четырнадцать лет. Последнюю отметку поставили девять дней назад.

Получателем значился Геннадий Круглов.

— Как он мог получить корпоративное дело? — спросила Дарья.

— Пока знаем только, что его фамилию внесли в журнал.

Шубина посмотрела запись.

— Посетителям мы дела не выдаём.

— Кто дежурил?

Девять дней назад смену принимал архивист Самойленко. Сегодня он был на больничном.

— Не опрашивайте его о содержании дела до разговора службы безопасности с полицией, — сказала Мила.

Она позвонила Гущину. Он попросил прислать официальное уведомление и ничего не изымать самостоятельно.

В описи было тридцать восемь позиций. В коробе лежали тридцать семь. Отсутствовал акт первичного осмотра возвращённого автомобиля.

Дарья провела пальцем над строкой, не касаясь бумаги.

— Та же форма, которой нет в сгоревшем шкафу Круглова. И её вынули девять дней назад.

— Мы этого не знаем. Между выдачей и сегодняшним днём комплектность не проверяли.

— Иногда мне кажется, что вы оставляете каждому факту отдельную комнату и запрещаете им разговаривать.

— Пока стены не проверены.

Заявление об угоне приняли в два часа сорок восемь минут ночи. Представитель компании утверждал, что машина исчезла со двора комбината между полуночью и половиной третьего. Рефрижератор нашли в семь утра на пустыре за старым кирпичным заводом, менее чем в пяти километрах от места наезда.

На схеме машина стояла задом к насыпи. Повреждения перечислялись коротко: разбито боковое стекло, сорван кожух замка зажигания, вмятина на левой двери, царапины на задней панели. Про бампер — ни слова.

— Если акт исчез, мы видим только пересказ, — сказала Мила.

— Но в счёте есть замена заднего защитного элемента.

— Счёт выставлен через двенадцать дней. Нам нужен документ до ремонта.

Расчёт выплаты был составлен не по деталям, а по группам работ. Страховщик исключил старую вмятину двери, но принял стекло, замок и ремонт задней части. В примечании стояла ссылка на отсутствующий акт и три фотографии.

Фотографий в деле было две: общий вид спереди и разбитое стекло. Третья должна была показывать заднюю часть.

В папке выплат нашлась копия реестра. Сумму перечислили компании Сазонова, а согласование подписали эксперт и начальник отдела урегулирования. Начальника Мила знала: Виктор Радченко теперь возглавлял областную дирекцию.

— Наш Радченко? — спросила Дарья. — Который сейчас предлагает быстрый отказ по пожару?

— Он требует расчёт оснований. Не приписывай ему формулировки, которых нет.

Но голос у Милы стал суше. Радченко дважды звонил с начала проверки и напоминал, что умышленный поджог может исключать выплату. О пропавшем старом акте он не спросил ни разу.

После выплаты внутренний контролёр отметил несоответствие времени. Охранник комбината видел рефрижератор у ворот в час двадцать, но не мог сказать, кто был за рулём. Диспетчер утверждал, что машина вернулась до полуночи и ключи сдали в ящик. Лист журнала выдачи ключей за ту ночь оказался испорчен водой.

Проверку закрыли: автомобиль нашли, признаки взлома зафиксировали, а ущерб не превышал внутреннего порога повторной экспертизы.

— Дешёвая выплата, — сказала Дарья.

— Меньше четырёх процентов стоимости машины.

— Поэтому никто не стал драться.

— Контролёр задал вопросы. Но ожидаемая экономия от спора была меньше расходов.

— И убийство спряталось под лимитом.

— Страховщик проверял угон, а не убийство.

Контролёр запросил сведения о происшествиях с похожей машиной, но указал регистрационный номер. В сводке такой номер не значился: свидетели наезда видели только тёмный грузовой фургон.

Мила составила хронологию.

Двадцать три сорок две — рефрижератор, по словам диспетчера, вернулся.

Ноль часов двадцать восемь минут — звонок Круглова о велосипеде и раненой женщине.

Ноль часов сорок одна минута — приезд скорой.

Час двадцать — охранник видел рефрижератор у ворот.

Два часа восемь минут — врач сообщил полиции о смерти Ирины.

Два часа сорок восемь минут — заявлен угон.

Семь часов четыре минуты — машину нашли.

Таблица не называла водителя. Зато разрушала удобную картину случайного угона. Машина могла покинуть двор снова, после наезда её видели у комбината, а заявление подали после смерти Ирины.

— Круглов ехал следом, увидел машину, потом помог убрать бампер, — сказала Дарья.

— Ты уже дала ему маршрут и решение. У нас только звонок.

— А фотография дороги с номером страхового дела?

— Доказывает поздний интерес, не то, что он видел.

— Каждый раз, когда версия становится ясной, вы отодвигаете её.

— Ясность — не свойство версии. Это ощущение человека, которому она нравится.

Пришёл сотрудник службы безопасности Максим Буров. Он распорядился сохранить записи камер за день визита Круглова. На записи Круглов вошёл в архив в четырнадцать семнадцать, несколько минут говорил с Самойленко и прошёл через служебную дверь. Через двадцать две минуты вышел. Папка в его руке стала толще.

— Он вынес документы, — сказала Дарья.

— Он вынес более толстую папку.

На камере парковки Круглов сел в старую серую машину. За соседним рядом стоял белый фургон без логотипа. Когда Круглов выехал, фургон тронулся через сорок секунд. За час до этого он дважды менял место, пока не оказался напротив двери архива.

— Поведение похоже на наблюдение, — согласилась Мила. — Но мы не знаем, за кем именно.

Она сообщила Гущину время записи и описание машины. Он запросил материалы и просил искать пропавший акт в сгоревшем правлении как предмет, а не как готовый вывод.

Шубина принесла ещё один короб — дело дополнительной выплаты. Компания Сазонова требовала возместить простой рефрижератора, но получила отказ. Там сохранились претензия, калькуляция мастерской и акт приёма машины в ремонт.

Акт подписал Аркадий Лыткин.

В строке «комплектность при поступлении» было написано: «задний защитный брус демонтирован владельцем, передан отдельно». Другой ручкой добавили: «непригоден, утилизировать».

— Значит, машину привезли уже без бампера, — сказала Дарья.

— В акте так записано.

Калькуляция включала новый брус, крепления и окраску панели. Деталь заказали утром после поступления машины. На выдаче расписался начальник транспортного цеха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.